

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

*Рекомендовано Министерством общего и профессионального
образования РФ для дополнительного образования*

Книги серии
ИСТОРИЯ РОССИИ
издательства «Белый Город» признаны
ЛУЧШИМИ КНИГАМИ 2000 ГОДА

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Повесть Ю. Крутогорова
Иллюстрации А. Чаузова

БЕЛЫЙ ГОРОД

Москва, 2003

Мстислав Храбрый

Мстислав Удалой

Феодосия

Ростислав

Мстислав

Владимир Мономах

Владимир святой

Ярослав Мудрый

Александр Невский

Ярослав II

Юрий Долгорукий

Всеволод III

Юрий II

Всеволод I

Андрей Боголюбский

Рыи

УРОКИ ЖИЗНИ

В душе нашей три силы

В канун Вознесения Господня молодой переяславльский народ, построившись парами, «водил колоски». Поверх сомкнутых ладоней, ползла девочка с венком. Задняя пара быстро перебегала в голову хоровода. У края поля девицы, по старинному обычаю, весело хлопали в ладоши: «Пошел колос на ниву, пошел на зеленую».

В тот же майский день, по уверению стариков, разверзается небо, и оттуда по лесенке сходят ангелы. Чудо дано увидеть не каждому, но во всех домах пеклись из ржаного теста «лесенки».

В полдень с верхнего яруса княжьего терема спустился празднично одетый княжич. Ярослав Всеволодович повел родное дитя под своды Рождественского собора; Александра поставили перед царскими вратами; епископ свершил обряд «пострига во мужи». Локоны мальчика пали на майоликовые плиты пола. Его опоясали мечом. Отныне детство заверша-

лось; малый «муж» вручался на воспитание боярину, великому грамотею, Феодору Данилычу, и воину с ратным именем — Ратмир.

Молясь за здоровье княжеского отрока, епископ вспомнил его родословную: Мстислав Храбрый, Мстислав Удалой, Владимир Мономах, Юрий Долгорукий. Храбрость, удаль, мудрость — вот ветви знатного древа.

Во время учения епископ напутствовал:

— Княжич, познавая грамоту, ведай: душа наша создана дуновением Божиим. Три силы в ней: разум, чувство, воля.

В пять лет разве уразумеешь смысл этих мудреных слов? Куда понятнее уроки Феодора Данилыча.

Аист — добрая птица

До блеска выструганная липовая доска — все буквы азбуки на ней выструганы. Гласные выпевались округлостью губ протяжно, как звон гуслей. Иные буквы вели себя нату-ж-

но, шепеляво, цокая, скрежеща. Буквицы складывались в слога, слога — в слова, слова в строки иноземной книжки с нерусским названием «ФИЗИОЛОГ» — обо всем, что есть на земле замечательного и приметного.

Александр читал в разбивку:

— Слав-ней-шая пти-ца — го-луб-ка. Раз-ли-ча-ют бе-лую и чер-ную го-луб-ку. Кор-мят они птен-цов по го-лу-би-но-му. Не мо-гут птенцы взле-теть, по-ка го-луб-ка не подаст пи-щи.

Учитель с сияющими глазами пояснял божественный смысл:

— Так и пришествие Христа предсказали многие пророки: Моисей, Даниил, Иеремия.

О птице аисте княжич читал скороговоркой:

— Самец приносит корм. Самка сторожит птенца. Кормят его по очереди, сторожа гнездо свое.

И в этих строках Феодор Данилыч доходил до глубокой сути:

— Так и ты, княже, не забывай молиться. И дьявол тебя не одолеет.

И, отвернувшись к оконцу, печально добавлял:

— Хотя мир наш, Александр Ярославич, исполнен плача, скорби и печали.

Скорби и печали? О чем глаголит учитель? Так весело и славно жить. Ну, разве

✠ ✠

**Строки из двух мудрых книг
«Пчела» и «Физиолог»,
по которым в детстве учился
Александр Ярославич Невский**

ПЧЕЛА: «Пожелай жить так, чтобы более сильные тебя не обидели, а ты не обижал бы слабых».

ФИЗИОЛОГ: «Ласточкино гнездо в пустыне на распутье. Когда ослепнет один из птенцов ее, она отправляется в пустыню и приносит травы, кладет их на очи его. И он прозревает».

ПЧЕЛА: «Умоляемый дружиной ночью напасть на врага, Александр Македонский сказал: «Не царского мужества такая победа».

ФИЗИОЛОГ: «Когда змея идет пить воду, то яд свой в гнезде своем оставляет, чтобы не отравить пьющих после нее. Так и ты, человек, когда идешь в церковь святую, всякую злобу оставь дома».

ПЧЕЛА: «Кто ставит другу своему силки, тот сам попадает в них ногою. Не покидай друга старого, ибо новый не будет ему подобен».

ФИЗИОЛОГ: «Если человек защищен верою, то всякая змея убежит от него. Люди, будьте мудры, как змеи, и чисты, как голуби».

ПЧЕЛА: «Блажен муж, имеющий жизнь высокую, ум же — смиренный».

✠ ✠

поплачешь, когда князь Ярослав Всеволодович уходит в поход, а с собой не берет.

На чистых, хорошо высушенных листах бересты, содранных с берез, Александр рисовал голубей и аистов. Еще и воронье: как одна стая на другую налетает. То были его первые боевые схемы. Но будущему водителю полков как без цифирной науки? Наука эта так постигалась. На той же бересте рисовались смешные фигурки с поднятыми ручками и растопыренными пальцами. Один человечек берестяной показывал пять перстов, другой — растопыривал три. Сколько? Сперва не так-то легко счислить. Боярин подсказывал:

— Семь гривен нам подай, а не просим — будет...

— Восемь!

Еще две фигурки. Каждая раскрывает по три перста. Цифирная наука хоть и не простая, а все же веселая. Боярин хитровато щурится:

— Три коровки есть. Отелются...

— Будет шесть!

Александр (это уже не на уроке) склеивает куски бересты в предлинную ленту. Всех человечков поставил в ряд. Вооружил кого луком, кого мечом, кого топором. Берестяное войско!

А тем временем княжичу полагалось иметь свою собственную дружинку отроков.

Миша, Савва, Яша, Збыслав

Этих юнцов княжич более, чем других, полюбил. Збыслав... В свои четырнадцать лет валил с ног силачей постарше себя. Руку сожмет — мускул тверд, как обух топора. Миша помнил множество заговоров и оберегов. В светлице мыши завелись. Миша разбросал по углам пепел сожженной соломой, запричитал: «Как железо на

Берестяная грамота

воде тонет, так и вам, гадам, мышам, сгинуть в преисподней, в смоле кипящей, в аду крошечном. Слово мое да не порушится».

Савва с малолетства скоморошничал. В окружении толпы, в четырех сторонах рассадил зайчишек лопухих — презанятная картинка. Тут собаку легавую спустили; зайцы не враспышную, но прямехонько в раскрытый мешок, который держал Савва, юрко туда влетели, только ушки торчат.

— Попу — куницу, дьякону — лисицу, пономарю — серого зайца, а мне — уши заячьи, — хохочет Савва.

И княжич хохотал:

— Иди, Савва, в услужение ко мне.

А Яша — из псарей. Его на ловой охоты сам князь Ярослав брал.

Малую дружину отроков учил Ратмир, боец закаленный, многаяжды раненый, искусный стрелок. Ему обязан Александр умением ездить верхом

Новгородская берестяная грамота

Найденные археологами берестяные грамоты, дают представление о жизни древнего Новгорода.

Листочки березовой коры заменяли бумагу. И сегодня мы можем прочитать то, что было написано 800-900 лет тому назад. Писали женщины. Писали мужчины. Купцы. Ремесленники. Есть даже записи школьных упражнений мальчика по имени Онфим. И в Киеве, в Новгороде имелось училище. А те древние ученики ничем не лучше и не хуже, чем нынешние. Вот один мальчонка пишет товарищу забавные слова: «Невежа писал, Недума показал, а кто читал...» Никогда не узнаем, кем был тот, кто читал этот кусок бересты: кусочек ее оторван.

А вот какой-то растеряха, видимо, же не писал: «Как придет эта грамота, так тотчас пришли слугу на жеребце. Да рубашу пришли...». Папаша обращается к мужу своей дочери: «Поклон от Гаврилы к зятю моему Григорию. Поехали бы вы в город, к радости моей».

на коне, стрелять из лука, запускать в цель копьё. В левой руке — кожаный щит, в правой — меч, скованный специально для княжича. Каленая сталь звенит глуховато, удары дробные. Ага! Ага! Ратмир отступает. Бей, коли, руби! «Покорной головы и меч не сечет!» — смеется Ратмир, и свой меч-кладенец вонзает в землю — на сегодня ученью конец!

Полями ходили в недалекие места: побывали на горе Ждань, откуда прадед Юрий Долгорукий налетел со своим суздальским войском на новгородцев и победил их.

— Ратмир, а зачем новгородцы держали Юрию?

— Дерзкие больно. Своевольные.

— Они и сейчас никому не покоряются?

— Этого не ведаю. А ране гордились весьма.

— Ишь какие! — удивился Александр. — Управу бы им найти!

Переяславль-Залесский поместился в низине на берегах реки Трубеж и Плещеева озера. Тут учились плавать, управляться с ладьями, ставить паруса. Через четыре с половиной века тут, на Плещеевом озере, Петр I построит свой первый флот. Пока же пращуру всего-навсего восемь годков.

Становися, силушка, на темный лес

Частенько гусляры поодиночке, а то и толпой, являлись на княжеский двор — любило семейство князя музыку. Чистые голоса, звонкие струны. Вот он, княжич, и песенка для него:

*Кто из нас горазд стрелять из лука
каленого?*

*Прострелить бы стрелочку
каленую,*

*Чтоб прокатилась стрелочка
каленая*

На две стороны, весом равна.

И попала бы в колечко серебряное.

Подать лук со стрелами калеными. Подвесить к ветке дуба кольцо. Постепенно, не дрогнувшей рукой, оттягивается тетива-жила. Глаз прищурен,

Ярослав Всеволодович (1191-1246) — великий князь, отец Александра Невского. Правил в Переяславле-Залесском, Галиче, Рязани, Киеве и Владимире. Не один раз приглашали его на правление строптивые новгородцы, но всякий раз прогоняли обратно.

Он стал великим князем во Владимире, когда разоренная страна изнемогала под тяжестью татаро-монгольского ига. Правители Золотой Орды, утопив в крови города и веси, самолично выдавали русским князьям ярлык на правление.

Дважды ездил в Золотую Орду и князь Ярослав Всеволодович. При нем Россия стала покоренной страной. Но, приняв варварскую власть, он сохранил от уничтожения страну и людей. Он унижал свое княжеское достоинство, его гордость была уязвлена, но, если бы не эта жертва, русское государство, возможно, и вовсе прекратило бы свое существование.

нацелен в малое отверстие. Ах, не промахнулся бы княжич, не оскрамился перед дворней, дружиной, гуслярами! Стрела пронзает колечко и, теряя силу, ложится умирать на траву.

Будет ли сеча? Что, как подрастет, а воевать будет не с кем? Как знать. Но азарт погони, стрельбы лучше всего

обнаруживается в пристрастии к ловам — охоте. Лай собак, ржанье лошадей, эхо музыкальных рогов-труб.

По дороге в бор, манящей ленте горизонта, веселая ватага Александра затягивает вместе с певуном Яшей:

Становися, силушка, на темный лес!

На темный лес, на самый верх.

Ловите гусей, лебедей,

Ясных соколов.

И малую птичку Пташечку.

Детство летит быстро во все времена, хоть близкие, хоть дальние. Александр подрос. Худоба еще детская, но руки покрепчали, плечи шире, тверже очерк губ.

И жизнь поменялась. Отца позвали княжить не в захолустье какое, а в сам Господин Великий Новгород. Честь великая! Где еще на Руси имеется город с таким почетным государевым титулом — Господин Великий.

Господин Великий Новгород

Город блистал золочеными маковками, веселил глаз расписными хоромами бояр, прочной бревенчатой кладкой «житых людей» — простого люда. Улицы уложены лесинами.

Всего поразительнее пристань на многоводном Волхове. Разные суда, многоязычная речь: купцы немецкой Ганзы, шведы, гости восточных стран.

Торжище возле Кремля — сплошное многоцветье. Точно радуга отдала все свои цвета товарам. Багрецом пылают краски персидских ковров и одеяний! Оранжевая, с припеком, глиняная посуда, горшки, блюда, чашки. Валы светло-желтого верблюжьего сукна из «Бухарии». Зеленые горы арбузов с волжских бахчей. Голубизна песчовых мехов, синева лент, шелковых материй, сотни всяких изделий из фиолетового уральского камня...

Древний герб Новгорода

Гости из разных стран мира пришли с товарами поклониться Господину Великому Новгороду!

Князю с семейством, дружиной, дворец отведен место чуть поодаль от города, на окраине. Не в Кремле, не рядом с пятикупольным, несравненной красоты собором Святой Софии. Зачем же так? Не без намека. Приглашенному князю заранее давалось понять, чтобы не заносился, не понимал о себе высоко, чтобы помнил: в Новгороде, городе-республике, власть принадлежит вече, сходкам граждан всех сословий, от простых «жизньих людей» до посадника, от купечества до боярства.

Такой обычай повелся с той поры, когда великий князь Ярослав Мудрый за некие заслуги пожаловал Новгороду грамоту «О вольности в князьях». Согласно грамоте, новгородцы имели право, согласно собственному хотению и разумению, приискивать князя. Кто более люб, кто милее. словно с волшебным зеркальцем советовались. Да любовь к облюбованному правителю, увы, отличалась непостоянством. Чуть что не так — «вот тебе, князь, путь». Прогоня-

Торговля и искусства

Господин Великий Новгород славился торговлей. Купцы из арабских стран, Индии, Персии, особенно из немецких городов, были постоянными гостями. Немцы, голландцы, норвежцы имели тут постоянные гостиные дома, а при них свои церкви.

Вольные немецкие города Любек, Бремен и другие, числом до семидесяти, вступили в тесный союз Ганза. Между Новгородом и Ганзой развивалась не только торговля, но и дружба. Часто на судах купеческих в Новгород приезжали ученые люди, художники, артисты. Торговцы везли сюда тонкие сукна, соль, сельдь, приправы. Чаще всего приезжали живописцы из Византии. Недаром фрески в Новгородских храмах славятся до сих пор своими поразительными красками.

ли. За последние годы в Новгороде перебывало... шестьдесят князей! То к сердцу прижимали, то вдогонку плевали.

Не положено князь живет...

Несмотря на своенравный характер новгородцев, никто из князей не отказывался от приглашения воссесть на почетное кресло.

Ярослава Всеволодовича знали как хорошего воина и просили отогнать недругов из ливонских земель: те зарились на русские земли.

Дружина скоро поднялась в поход. Князь оправдал надежды новгородцев. Неприятель разбит, взято много пленных. Ярослава Всеволодовича встречали как героя. Господин Великий Новгород умел чествовать победителей. Княжич, понятно, гордился батюшкой. Жаль, что с собой не взял, так охота пустить каленую стрелу в того, кто покушается на русскую землю. А от батюшки только и слышишь: «Погоди, сынок, и на твою долю достанется».

— Кто наш больший враг?

— Больший? Тот, кто веру хочет поменять.

Так шло время и, конечно, случилось то, что должно было случиться: между князем и гражданами города-республики черная кошка пробежала. На вечевой сходке судят злоумышленника. Вина его не очень-то и доказана, но шумный глас сходки напоминает набат вечевого колокола: «С моста его, в Волхов!» У князя иное мнение: «Не торопитесь, резону нету». Или такое: слух дошел, что князь для своей дружины захватил больше покосов, чем надо. Опять ор на вечевом собрании:

— Не положено живет князь! Долой!

— Воля ваша, — гневается Ярослав Всеволодович и удаляется с обидой в отчий Переяславль-Залесский.

Вдруг на порубежных полях снова враг. Мчатся послы вдогонку князю: «Челом бьем, винимся».

Что зло держать на гордецов? Возвращался.

И такие ссоры-замирения продолжались не раз. Покидая Новгород, Ярослав всякий раз оставлял за себя сына.

Надо сказать, новгородцы полюбили Александра, хотя ой как неверна их любовь. Все же город принял княжича, одарил лаской.

И Александр сроднился с Новгородом, с его кремлем, окраинами, пятью посадами-концами. Каждый конец гордо заявлял о своем занятии: Гончарный, Плотницкий, Щитной, Молотково, Кожевники. Работный город, на всякое ремесло мастак.

Над Новгородом, на сияющей высоте, парил медный голубь. Когда возводили собор Св. Софии, из Византии, по преданию, приехали живописцы. Стали в сво-

де писать Иисуса с рукой благословляющей, слышат глас: «Не пишите с рукой. Разожму пальцы — беды не оберетесь». Тогда во спасение решили увенчать крест центральной главы собора фигуркой голубя: все ж голубок с неба спустился, когда Христа крестили.

Помнил княжич из «Физиолога»: «Голубка пищу подает птенцам, спасает гнездо». Как ведь просто все, а? Князь в княжестве своем — тот же голубь-кормилец, спаситель...

Душа ли моя масленица

Какой на Руси самый развеселый праздник? Александр-то знал — масленица! Как он ждал этих зимних деньков! Сани обиты цветным лубом, кузовок расписан сказочно. На княжиче новенький кафтан-опашень, отороченный по вороту к низу горностаевый мехом, лазоревые сапожки. Каковы сани, таковы и сами.

И-эх, пошла тройка по всем пяти новгородским концам! И друзья рядышком, верховые — Миша, Савва, Яша, Збыслав. До конца дней княжич Александр будет с ними жить неразлучно.

По Новгороду, завивая дорожки снежной крупой, заглядывая во все дома — пекут ли блины? — гуляет румяная, сытая масленица. Ей жить не долго, до Великого Поста, вот и торопится всех позабавить, умаслить, настроить снежных горок, качелей, отдать всю себя скоморохам, испытать мужей в кулачных боях.

— Княжич, княжич! — Ему рады все: ребятя и взрослый народ, бояре, ремесленники, купцы.

Горе установилось велико

Верно, что не все коту масленица. Враз Новгород впал в бедность. Из-за ранних морозов погибли хлебные поля — «горе установилось велико». Пятна от слез останутся на летописных листах: от голода люди ели мох, сосновую кору. Ради куска хлеба продавали детей в рабство, появились людоеды.

Вот в какие лихие дни проявился характер князя. В тот год за отца остался Александр. Он раскрыл все княжьи амбары, бесплатно раздавал нищим, детям, вдовам, монастырям провизию, хотя сам отказывал себе в куске хлеба.

Ранней весной, как тронулся лед, приехали в город ганзейские купцы, привезли пшеницу, рожь, другое зерно. В трудную минуту немцы показали свою доброту, дружеские чувства к русским. Быть бы такому миру вечным! Насколько б меньше на земле было войн. Но всегда есть люди, которым нейдет утвердить свои порядки и нравы, свою веру и свои обычаи. Вот уже пошла гулять по свету булла — постановление Римского папы, главы всех католиков: «Не с хлебом идти к русским-еретикам, но с крестом и мечом, ибо придерживаются православия греческого».

В самом начале XIII века рыцари-меченосцы подошли близко к землям Новгородского княжества: обратить людей в «латинство», в веру католическую...

С крестом и мечом

О, это был могучий рыцарский орден! Члены его воевали за гроб Господень, ходили с оружием в Иерусалим. Власть Рима! Власть папы! Латинская, единственно правильная вера! Вот что должно господствовать в мире, вот чему обязаны поклоняться народы, в том числе, конечно, и славяне. «Рыцарями храма» называли себя меченосцы, и в этот единственный «храм» желали они согнать язычников и всех иноверцев.

Ряды меченосцев усилились, когда они объединились с Тевтонским орденом. Теперь Руси грозил единый орден — Ливонский. Желающих вступить в него сколько угодно. Сам папа Иннокентий III утверждал, что римская церковь — «ковчег спасения». Всякий принятый в орден спасется, ему обещалось на том свете царство небесное, на земле же прощались все грехи. Легкий хлеб для бессмертия.

— Вступаешь в наше братство, — наставляли магистры ордена, — забудь про жизнь спокойную. Отрекись ото всех

удовольствий, от родственников и собственной воли. Когда не останется вокруг язычников, ты получишь все выгоды.

Папские буллы звали идти на русских не только Ливонский орден, но и шведских крестоносцев: «Воистину, если бы земля, звезды поднялись против еретиков, каковыми являются русичи, и истребили бы их, невзирая на возраст и пол, это было бы достойной карой. Пощадить их можно, если примут католичество».

Вот такие буллы, дышащие ненавистью ко всем инакомыслящим и инаковерующим. Во все века, не только в средние, находились поводы для насилия, кровопролития.

Между тем Господин Великий Новгород, пережив страшный голод, возносил благодарственные молитвы Всевышнему, спасительному голубку на верху собора Святой Софии. Взоры, полные нежности, любви и преданности, обратились к юному Александру: послед-

Святой Георгий
и орел — символы
немецких
рыцарей

ней рубашки не пожалел для Новгорода, вместе с ним, никуда не убежав, разделил напасть.

Княжичу исполнилось шестнадцать лет. Близилось событие в его жизни — самое ответственное и счастливое.

Да будет меч твоим защитником!

Вроде бы совсем недавно его «постригли во мужи», и вот новгородский епископ возлагает на его голову руки, возносит молитву Богу:

— Да благословит Христос из своего жилища верного раба Александра! Да утвердит его Спаситель на престоле правды, спасет силою своею, наградит мудростью и мужеством. Да сподобит небесного царствия и поможет стать защитником земли своей.

Александр поцеловал поднесенный золотой крест. Паства ликовала:

— Князь Александр! Князь Александр! Святой наш! Святой!

Хочется сказать о молодом летописце, который оповещал потомков о свершившемся. Он сравнивает Александра

с такими библейскими героями, как Иосиф Прекрасный, Самсон Могучий! Летописец захлебывается от восторга, когда голос князя уподобил «гласу трубы». Вот так виделся и слышался новгородскому люду новый князь.

«Посажение на стол» — так назывался в те времена престол — случилось после того, как Ярослава призвали на великое княжение в Киев, что было верхом желаний всех русских князей. Первый среди равных, равный среди первых — вот что такое быть великим киевским князем.

Отъезжая из Новгорода, отец сказал:

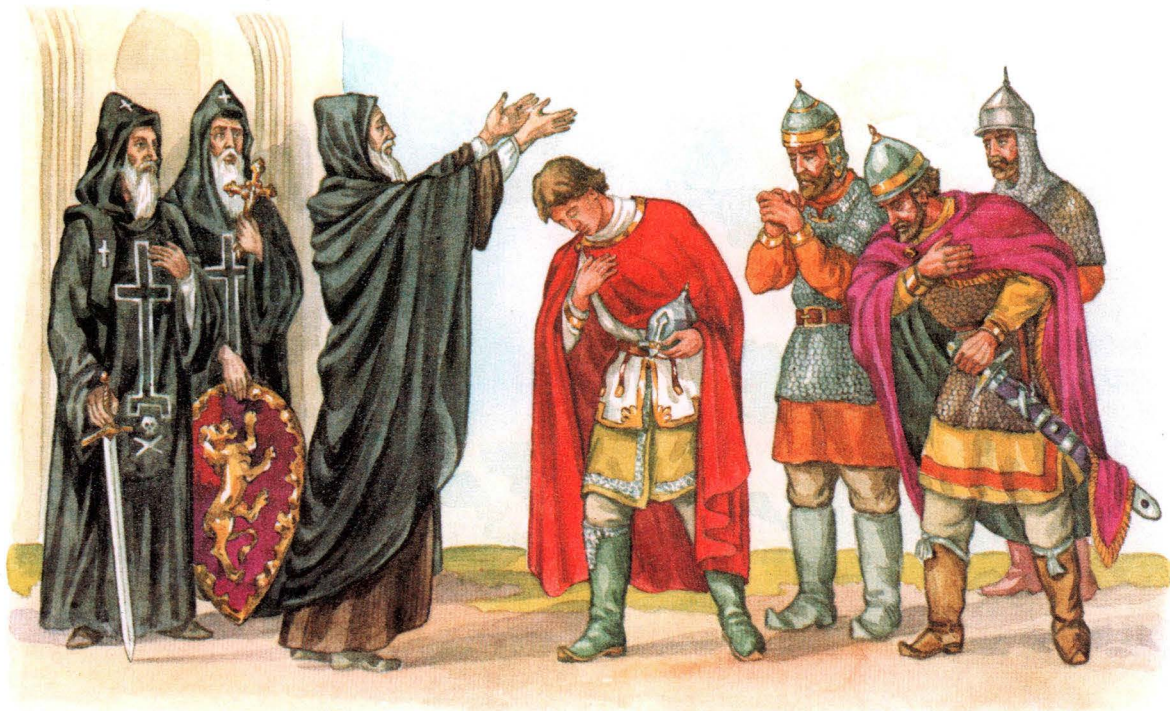
— Александр, да будет крест твоим хранителем, меч — защитником! — Так князя всегда благословляли сыновей, от Ярослава Мудрого до Владимира Мономаха.

Александр поклонился:

— Да будет так, батюшка.

На вече сразу решили, кто станет владельцем после Ярослава Всеволодовича.

Александр вручили знаки власти: бунчук с красным лошадиным хвостом, щит, оружие, доспехи.

Василий (1240-1271) — старший сын Александра Невского. О нем известно, что уже в тринадцать лет во главе дружины разгромил литовцев.

Позже был в Новгороде князем. Во время татаро-монгольского ига в городе образовалось две партии. Одна стояла на стороне Александра Невского, который всячески сдерживал варваров от нового нашествия и призывал платить хану подати. Другая партия — возражала против этого.

Позже стало известно, что татары наложили на новгородцев большую дань — «десятину», десятую часть всех доходов. Невский понимал, что с этим надо согласиться во избежание полного разгрома Новгорода. Сын не согласился с отцом. Опасаясь его гнева, бежал, был схвачен, заключен под стражу. Отец лишил сына княжеского правления. Прожил Василий чуть более 30 лет. Потомства не оставил. Жаль, что так нескладно сложилась его судьба. Мальчишкой громил врагов из Литвы, а позже восстал против отца и умер в забвении.

На небе солнце и в тереме солнце

Над Русью сгущались тучи, великое бедствие на нее надвигалось. А в жизни Новгорода — покой, умиротворение. Редко выпадала такая удача, но на первые годы княжения Александра судьба отпустила молодому правителю чудные свои дары.

Княжеская свадьба в те поры почиталась «вторым земным почетом». Избранницу звали тоже Александрой. Сошлись не только именами — сердцами, взаимной приязнью.

Четырех сыновей подарит ему любимая жена Александра Брючиславовна. Первым на свет явится Васенька, крепыш, розовощекий, синеглазый. Все свои надежды на него возложит Александр — на старшего, первенца, любимца, наследника. Верилось: за отцом пойдет, по отцову пути станет князем в Новгороде. Что-то сбудется, что-то нет. Но и горя немало Вася принесет отцу. Не скоро это случится, не станем вперед забегать.

А пока... Поселилось в княжьем терему счастье. Вот песня той поры:

На небе солнце, и в терему солнце.

На небе месяц, и в терему месяц.

На небе звезды — и в терему звезды.

На небе зори — и в терему зори.

Все в терему во небесному.

Вдруг ледяным, пронизывающим ветром подул с земель, что лежали южнее и восточное Новгорода. Или, как тогда говорили, «низа».

Оттуда, с «низа», потянулись на север тысячи обездоленных несчастных людей. Жутко было их слушать.

Таурмены!

Таурмены напали на Русь. Вороги лихие. Повсюду плач, печаль, гибель, пожары, смерть.

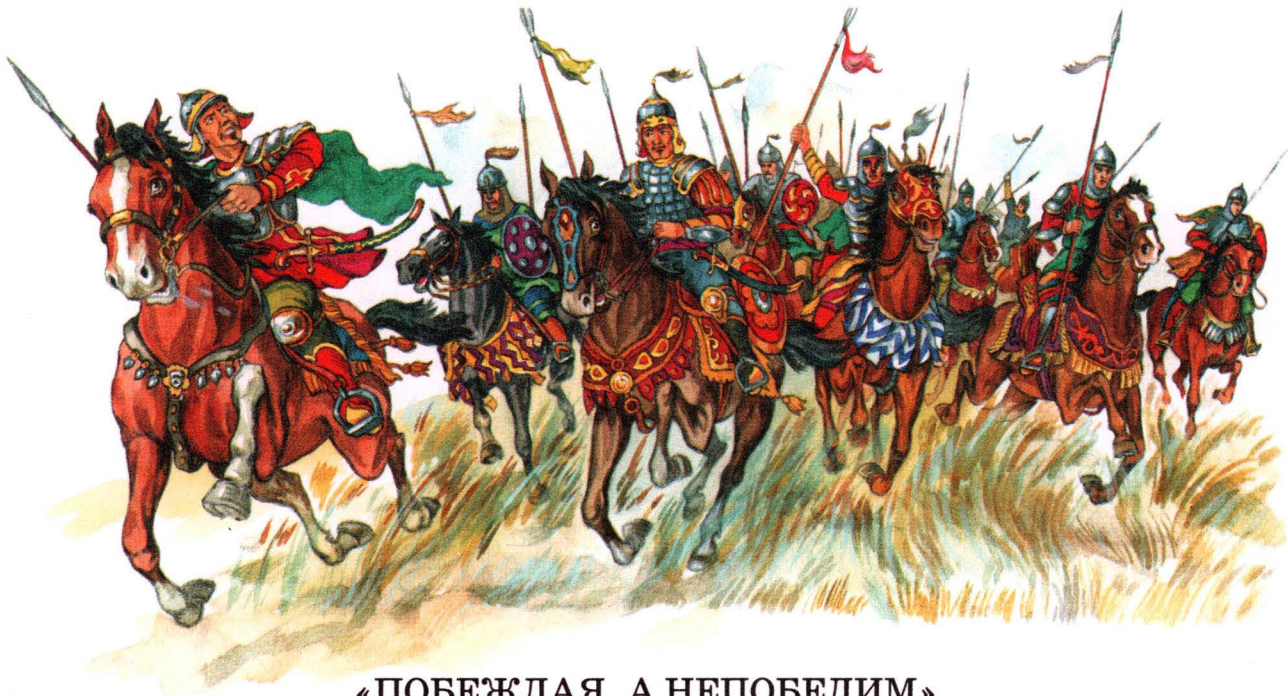
Таурмены? Так татар называли.

Господи, да откуда же их столько взялось?

Кто ведет их?

И что на уме у них?

Земля дрожит под копытами орды. Ураган не налетает с такой разрушительной силой.

«ПОБЕЖДАЯ, А НЕПОБЕДИМ»

Без креста и без могилы лежали убитые

Вождь монголов и татар хан Темучин разделил между родичами не больше не меньше, всю землю на несколько частей. «Испить горькое и сладкое» — так он называл будущие походы и раздел мира. Видно, чувствовал себя верховным властелином, подобным Верховному существу на небесах, которому поклоняются люди.

И все пали ниц перед Темучином. Горе тому, кто выступит против. Один родич нашелся. С тех пор перед шатром татаро-монгольского вождя на камне покоился в серебряной оправе череп олушника. В назидание всем! Урок неразумным!

Племяннику Батыю выпало идти в пространства, где живут русичи, их же зовут еще «улусами».

— Ты станешь владыкой многих племен, — предсказал Темучин. — Сил у тебя хватит.

И верно: сил было предостаточно. Батый с трехсоттысячной ордой напра-

вился к Волге, ее низовьям, середине и верховьям. Дикое несметное воинство по своей разрушительной, всеиспепеляющей мощи напоминало огнедышащую лаву, исторгнутую из вулкана. Где прошел Батый, там ничего не оставалось: только пепелища, развалины, могилы. Пощады не знали ни старые, ни малые. Для азиатских варваров человеческая жизнь ничего не значила.

Что же Русь? Рязань, Владимир, Ярославль, Суздаль? Именно на эти города и принадлежащие им земли Батый нацелил полчища варваров. Соединили князья свои полки? Нет! Такая печальная истина — не знали князья между собой согласия: ссоры, зависть, междоусобица. Все договориться не могли: кто старше, главнее, кому сидеть на великокняжеском киевском престоле? Кровным родством связаны, а вели себя ровно чужие. И до нашествия татаро-монголов от такой вражды ничего путного не получалось. Теперь же вовсе для Руси обернулось непереносимым бедствием. Скорбел народ устами бродячих певцов:

*От уособиц княжьих — гибель
на Руси.*

*Братья спорят: то мое и это мое.
Злой раздор из малых ссор заводят,
На себя куют крамолы свои.*

Крамола, смута, измена. Так что, если правду говорить, князья не себе изменили, а Руси.

Батый подошел к Рязани. Пять дней отбивались горожане, благо хорошо сложенные каменные стены помогали. Батый ввел в действие стенобитные орудия, позаимствованные у китайцев. Стены щебнем рассыпались. Татары ворвались в город. Почти все население перебили, дома сожгли. Соседним бы правителям поспешить на помощь? Ничего подобного! О собственном спасении заботились. Лишь рязанский воевода Евпатий Коловрат, бывший в те дни в другом месте, поспешил на выручку родному городу. Числилось в его полку две тысячи воинов. Сеча недолгой оказалась. Почти все две тысячи полегли на поле, а оставшихся в живых привели к хану.

— Не мертвецы ли поднялись против нас? — удивился Батый.

— Русские мы. И мертвые — русские.

И этих Батый не пощадил.

Варвары уничтожили Суздаль. Сотни жителей Владимира затворились в храме, молились. Татары подожгли церковь вместе с находящимися там людьми.

Дмитров, Юрьев-Польский, Москва, еще недавно построенные Юрием Долгоруким, подверглись разорению. Татары ворвались в древний Ярославль: был город — остались развалины.

Какое несчастье, что на земле существует (и до сих пор) две людские породы: одни строят, иным нет большей радости, чем разрушать, убивать, сеять рознь.

Орда держала путь на северо-запад, к Господину Великому Новгороду. Князь Александр Ярославич спешно строил укрепления, ставил заставы,

собирал ополчение, хотя и понимал, что продержаться долго не удастся. Участь городов «низа» Руси была известна.

Вот уже Батый в Торжке; до Новгорода менее двухсот километров. Случилось невероятное. Батый развернулся и пошел к югу, к Днепру.

Долгий был спор, отчего татары не взяли Новгород?

Не станем решать за историков. Великое счастье, что так вышло, и Господин Великий Новгород избежал горестной судьбы Рязани, Суздаля, Москвы, Владимира.

Зимой 1240 года полчища азиатских варваров переправились через Днепр, ворвались в Киев. Сам Батый не мог налюбоваться на древнюю русскую столицу красоты неопишуемой. А, налюбовавшись, приказал уничтожить город. Стенобитные орудия крушили что ни попадя. Людей топили в Днепре.

Новгородское войско

Каждый город имел обязательно свое войско, ратных людей. Воины назывались часто мечниками или дружиной. Ратные люди отлично владели саблей, мечом, булавой, замечательно стреляли из лука. Это было войско регулярное.

Существовало и ополчение, созываемое во дни опасности. Простые горожане, сельчане вооружались исключительно в дни войны или междоусобиц. Сельские жители были обязаны давать князю лошадей.

После похода оружие отбиралось и хранилось в специальных складах до следующего раза. Так что в обычные дни не увидишь в городе вооруженного человека.

Войско разделялось на полки, конные и пехотные. Пехота состояла из копейщиков и стрелков. Первыми в сражение всегда вступали стрелки из луков.

В войске княжества насчитывалось не более 10-20 тысяч человек. Что мог сделать тот или иной князь против полумиллионной татаро-монгольской орды? Если бы князья соединились, стояли плечом к плечу! Но, увы, не существовало между ними согласия.

Жгли монастыри. За всю свою историю Киев не знал такого варварства. Случайно уцелевший в одной из пещер монах-летописец в своем предсмертном послании известил мир: «Древний Киев исчез навеки».

Упиваясь могуществом, Батый испил из чаши войны горькое и сладкое.

За исключением Новгородского княжества, страна была обескровлена. Темная ночь опустилась на Русь.

Ни младенца, ни старца в живых
не осталось.

Плакать некому было и не по ком.
Подо льдом и под снегом померзлые
На траве-ковиле обнажены,
терзаемы

И зверями, и птицами хищными.
Без креста и могилы лежали
убитые.

Вот донесшийся до наших дней горький плач древних певцов.

Доспехи и вооружение русских воинов. XIII век

Пехотинцы

шлем
с наносником-
шелом

кольчужный
доспех

боевой
топор

поножи

рогатина

поясной
нож

деревянный
миндалевидный щит
с навершием-
умбоном

шлем
с бармицей

пластинчатый
доспех

шлем
с полумаской
«личинкой»
и бармицей

круглый щит, видны
привязки-столбцы
для удерживания на руке

меч

большой
топор-
бердыш

копье

булава

плащ-
корзно

деревянный щит
с навершием-умбоном
и венцом

длинная кольчуга
и кольчужные чулки-
«ноговицы»

Конница

пластинчатый доспех
с зеркалом-бляхой на груди

Ульф Фаси готовится в поход

Сколько же горя выпало на Русь в первую половину XIII века! Нашествие азиатских варваров с востока — и вдруг посягательство с Запада.

В самом деле, какой удобный момент для осуществления самых дерзких планов со стороны крестоносцев! Возможно, Русь доживает последние годы. Татары ее смяли, опустошили. Легкая добыча, она сама просится в руки. Папа Римский Григорий IX решил не упускать благоприятного поворота событий. Новая его булла звала шведских и немецких рыцарей на Новгород с крестом и мечом: крестом обращать русичей в латинскую веру, мечом — убивать тех, кто до конца стоит за православие.

Шведы уже два года готовились идти на Русь. Час пробил! Первый человек в шведском правительстве, честолюбец, опытный воин, ярл — герцог Ульф Фаси деятельно готовился к вторжению в новгородские земли.

В церквях по всей стране звучали проповеди, воспевающие будущие подвиги шведских рыцарей. Поэты — скальды — славили сталь мечей и «доспехи в рьяной потехе бранной». Над Стокгольмом появилась яркая комета: она медленно удалялась на восток — добрый знак! «Небесная Путеводительница указывает путь к славе и вечному блаженству», — предрекали волхвы.

Король Эрик Эрикссон, прозвищем «картавый», провожал рыцарей. Сто судов-шнеков под одним или двумя парусами принимали на борт рыцарей, викингов-завоевателей. Балтийское море, остров Або, устье Невы, далее вверх по реке, к озерам, Волхову — ярл Ульф Фаси до мелочей продумал маршрут похода. Вплоть до того, где останавливаться на отдых. Ульф Фаси — спроси его хоть ночью — ответит: главное, что определяет победу, — внезапность!

Застать князя Александра Ярославича врасплох! И вся дружина его разбежится в панике. Да и сам Александр... Ему двадцать лет. Ни в одном сражении, в отличие от отца, не принимал участия. Где тягаться с рыцарями, одинаково побеждавшими на море и суше?

Еще и еще раз ярл склонялся над картой. Ладога... Вот крепость, которой следует овладеть вначале. Оттуда прямой путь к Новгороду. Они называют его Господином Великим? Ха-ха-ха! Скоро он падет на колени перед новыми, истинными господами!

Стража Пелгусия

На прилегающих к дельте Невы островках и землях издавна проживал народ чудского племени: ижоряне. Старейшина их Пелгусий служил начальником «морской стражи». Ее основал Александр на тот случай, если появятся враги. Береженого Бог бережет. (Кстати, об этой заставе Ульф Фаси вовсе не догадывался).

Пелгусий исправно нес службу: глаза и уши князя.

На рассвете 7 июля 1240 года меж мглистыми облаками и беспокойными серыми водами Балтики завиднелись многочисленные шнеки. Они шли на остров Котлин. Шведы! Викинги!

С несколькими гонцами Пелгусий помчался в Новгород. Ни минуты передышки. Скорее! Лишь пересаживались на сменных лошадей — и снова в путь.

На другой день колокола разбудили город. Набат был тревожен. Александр Ярославич молился в соборном храме Св. Софии. Молитва короткая, воспаленная угрозой со стороны шведов.

Князь вышел на площадь. Народ ждал его. Ждала дружина. Ждало ополчение из крестьян, купцов, ремесленников — всех, кого называли «жителями людьми».

Александр обратился к ним:

— Братья! Не убоимся множества врагов. Они хотят взять нашу землю, нас обратить в свою латинскую веру. Не убоимся шведов. Не в силе Бог, но в правде.

Отборные конники, пешие ополченцы пошли на Ладогу, без обозов, с короткими привалами и ночлегами. Оттуда — к Неве.

Пехота по Волхову спускалась вниз по течению. Конница не поспевала за судами. Чтобы ускорить движение всадников, большую часть вооружения, доспехов, кольчуг и лат, шлемов и щитов, везли на лодках с увеличенными бортами — насадах.

Разведка Пелгусия докладывала о любых передвижениях шведских крестоносцев. Войско Ульфа Фаси, завершив морское путешествие, пришвартовалось к берегам Невы. После стоянки флотилия тронулась вверх по реке. Встречное течение оказалось столь сильным, что гребцы преодолевали в час каких-нибудь три километра. Черепашья

скорость. Ульф бесился. Так, глядишь, и не получится внезапного удара.

Гребцы утомились. Начали искать удобную якорную стоянку. Нашли ее в укромном месте, на левом берегу; тут как раз речонка Ижора впадала в Неву. Вынужденная стоянка вывела из себя ярла: не ожидал и не рассчитывал он на подобное промедление. Впереди река изобиловала острыми порогами. Невезенье! Шведские шнеки приспособлены к морскому, но не к речному плаванию. Впрочем, при попутном ветре можно двинуться вперед.

«Побеждая, а непобедим»

Миша, Яша, Збыслав, Савва неотлучно были рядом с Александром Ярославичем. Вместе определяли движение войска, формировали отряды. Первый их боевой наставник Ратмир отлично разбирался в местности. Князь высоко ценил его советы, как, с какой стороны

незаметно подойти к вражескому лагерю. Исправно действовала разведка ижорянина Пелгусия!

Как замышлялось в Новгороде, так и сладилось. Идущие двумя колоннами конники и пехотинцы встретились возле впадения крошечной речушки Тосны в Неву. На этом пространстве Невы изгибалась полукольцом и между «коленами» простирался плес, открытый всем ветрам и взорам. Идти берегом Невы — открыться шведам.

Ратмир предложил обойти лагерь крестомосцев: идти бережком Тосны к непроходимым лесным чащам. Дальше войско поведет Пелгусий, знакомый со всеми тропками-дорожками.

— Лошади пройдут?

— Да, княже. Я готов поручиться, что пройдут.

Идти трудно. Заросли царапали лошадиные морды. Обходили густой буре-

лом. Наконец выбрались на обширную поляну; до стана неприятеля оставалось менее десяти километров. Один стремительный бросок, и новгородцы ударят по лагерю с той стороны, откуда шведы ждать не ждут.

Погода улучшилась. Ветер поднял воду. Ульф Фаси готовился идти наперекор волне; пороги становились менее опасными для судов.

А в шатре Александра Ярославича последние приготовления. Изучено построение шведов. В первой линии лучники. За ними — тяжеловооруженная пехота. В разгар боя вступает на рысях конница.

Такова позиция рыцарей, когда они сталкиваются лицом к лицу с противником. Но как поведут себя сейчас?

Лазутчики показали, где стоят суда, где шатры военачальников, где золотоверхий шатер самого ярла Ульфа Фаси.

— Атаку начнем в полдень! — объявляет князь.

— Не ночью ли? — предлагает кто-то из воевод.

— Не царского мужества такая победа.

Тем временем воины Пелгусия, найдя удобное место, тихонько переправились на противоположный берег Невы встретить шведов, если те попытаются спастись на лодках.

Жаркий день 15 июля. Солнце в зените. К лагерю подошли, соблюдая все время предельную осторожность, в полной тишине.

Время, выбранное для атаки, еще потому удачно, что в этот час в лагере обед, кони пасутся на лугу, в полуверсте.

Лазутчики Пелгусия доставали самые свежие данные о размещении рыцарского воинства. И в соответствии с этим Александр поделил полки на три ударные силы.

Конница ворвется в центр вражеского стана, тем самым разделит рыцарские позиции пополам. Ополченцы — лучники и копьеносцы — обрушатся на правый фланг. Легкая часть пехоты вклинится в левый фланг и отрежет отход рыцарей к судам.

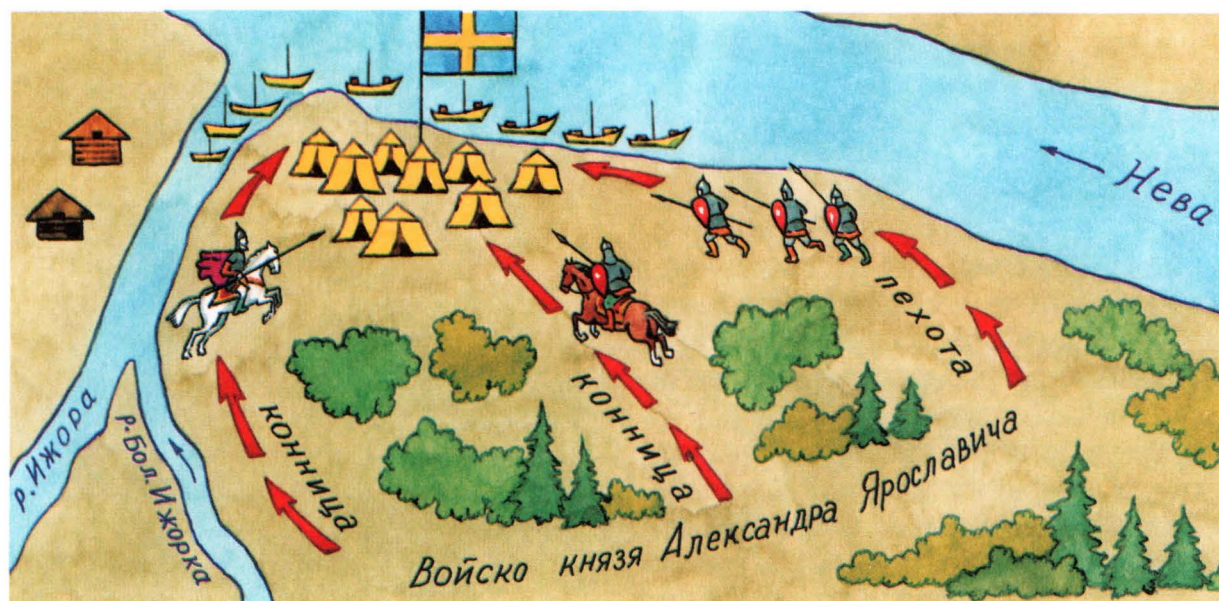
Два месяца назад исполнилось двадцать лет. Редко, кто в такие годы владеет полководческим даром, умением оценить и предвидеть ход битвы. (Разве Александр Македонский — он тоже в 20 лет одерживал победы над персами. Не в честь ли него был назван сын князя Ярослава Всеволодовича?).

Когда переполошенные шведы увидели русичей и протрубили сигнал тревоги, было поздно. Коня паслись вдали. Шведы не успели облачиться в доспехи. О каком привычном боевом порядке могла идти речь? Но даже в разрозненном виде войско королевских рыцарей билось отчаянно, показывая необычай-

ную смелость. Некоторые викинги так владели мечами и саблями, что новгородцы отступили. В какой-то момент было неясно, чья возьмет. Александр догадался, что следует предпринять, причем немедленно. Он видел стоящего у шатра ярла Ульфа Фаси, окруженного оруженосцами.

Как в горне, в сияющей поверхности бронзового щита плавилась солнечная лучи. Александр выдвинул вперед щит, крепко прижал к боку многогранное копьё с удлинённым острием. Пошел! Александр дал шпоры. Буланый рванулся вперед. Мощно, неостановимо, напрямик к золотоверхому шатру шведского полководца. Ярл, рыцарь не трусливого десятка, увидел русского князя и на коне понесся навстречу. Вот две

конские морды рядом; Ульф рассек мечом воздух, но буланый конь Александра поднялся на дыбы. Удар не достиг цели. И тогда с высоты вздыбленного коня, встав на стремянах, Александр бросил копье на ярла. Острие угодило в смотровую щель опущенного забрала. Страшный удар свалил ярла с седла. Из его шлема хлынула кровь, ручейки ее растеклись по серебристым латам. Подоспели оруженосцы, подхватили Ульфа, понесли в сторонку от сечи. Русско-го князя окружили.

На помощь ему бросился Ратмир. Меч его действовал с ослепительной быстротой молнии. Но вдруг щит выпал из рук доблестного воина, учителя Александра. Ратмир пал головой на гриву лошади. Ремешок, соединяющий затылок шлема с наспинными латами растегнулся, и каленая стрела попала бойцу в шею. Кажется, помочь Ратмиру было нельзя.

Силач Збыслав, друг детства и юности, по трапу вбежал на один из шнеков, перерубил канаты парусов, размахивая булавой, бил корабельщиков. Савва и Миша обошли сторонкой пригорок, на котором высился златоверхий ша-

тер ярла, подрубили его стяги. Шатер с развевающимся на флагштоке шведским штандартом беспомощно рухнул, накрыв находящихся под его покровом рыцарских командиров.

— Сгинуть вам в преисподней! — Миша не забыл свои детские заговоры.

Шведское войско, оставшееся без предводителя, не осененное боевым штандартом — знаменем, начало отступать к воде, к стоящим на якорях шнекам. Збыславу, между тем, удалось уничтожить еще два судна.

Победный клич русичей взметнулся над плесом.

Но сражение еще продолжалось.

Шведы бились до последнего, кое-кто из них на легких лодчонках переправился на другой берег, чтобы там собраться с силами. Напрасные ожидания! Тут королевских рыцарей поджидали ижоряне Пелгусия.

Никогда шведы не знали подобного поражения. Оно оказалось сокрушительным.

Ульф Фаси попросил пощады.

Александр оказался истинным рыцарем чести; приказал не добивать остатки шведского воинства, дал рыца-

рям возможность захоронить павших товарищей в братской могиле.

Утром весьма потрепанные остатки флотилии двинулись к устью Невы и скоро с позором вернулись в Стокгольм. Неизвестно, встречал ли побежденных король Эрик Эрикссон. Да и какими словами мог он, по прозвищу «картавий», утешить своего ярла Ульфа Фаси?

Надолго шведы забудут проторенную дорожку на Русь.

Пройдет немного времени, и князю Александру Ярославичу народ даст славное имя — Невский. И монах в своем рукописании восхитится им старинным слогом: «ПОБЕЖДАЯ, А НЕПОБЕДИМ».

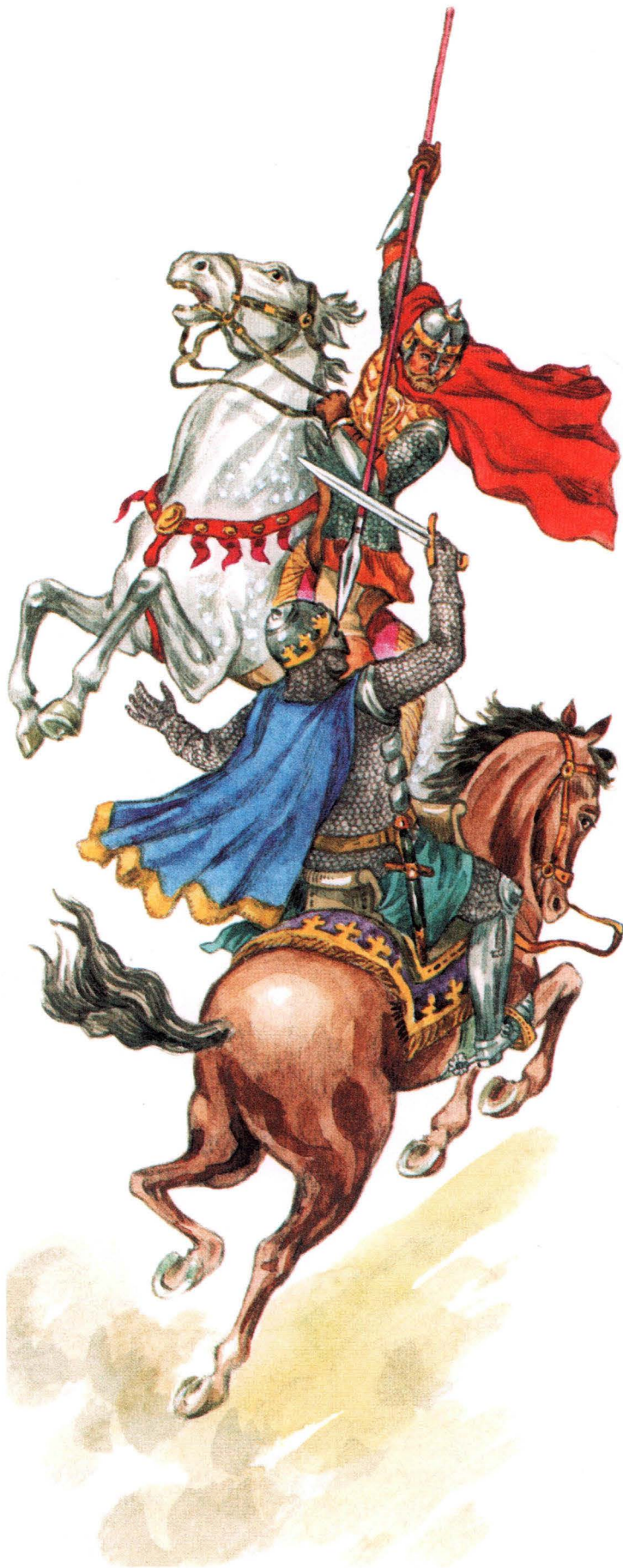
Так будет и впредь. И не только в предстоящих битвах. Но и в жизни, где защищаться от врагов нужно мудростью и терпением, а не только враждой и злобой.

Гордым быть — глупым слыть

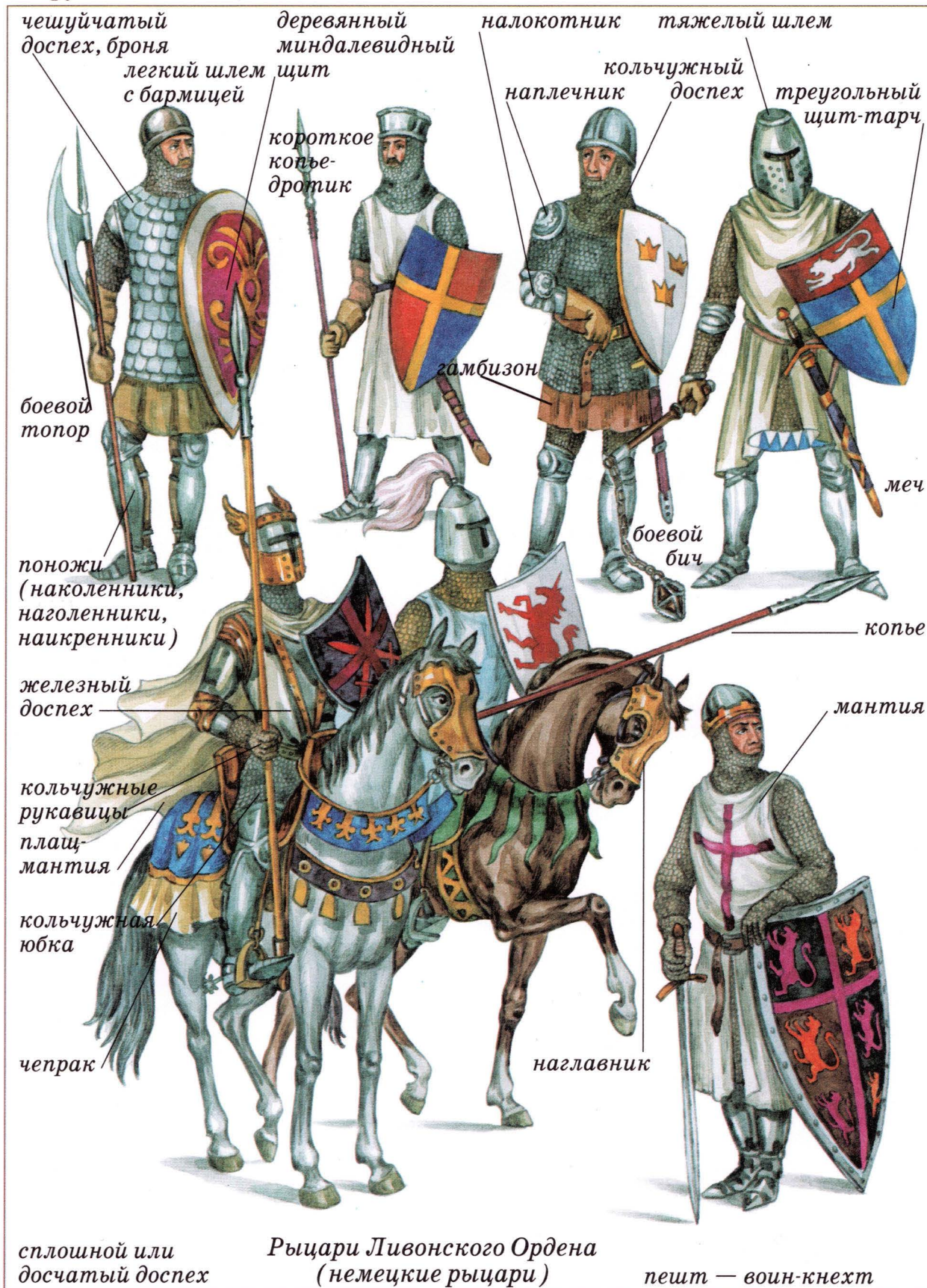
Совсем мало прошло времени, и своевольные новгородцы стали забывать о заслугах своего молодого и любимого князя. Исполненные спеси, которую им давала грамота «О вольности в князьях», граждане Господина Великого Новгорода возроптали против Александра Ярославича. К боярам, «золотым поясам», присоединились купцы, ремесленники, «житьи люди». Сейчас трудно сказать, чем не угодил им князь. Скорее всего, повод оказался пустяковым, но гордецам и этого было достаточно. Забыли гордецы старую присказку: «Гордым быть — глупым слыть». Слово за слово, и вече выкрикивает:

— Другого князя надобно!

Как некогда и отец, Александр Ярославич в справедливом гневe покидает Новгород со своей дружиной. Бог с вами, строптивые новгородцы, живите,

Вооружение тевтонцев. XIII век

Легко понять настроение самих новгородцев, когда они узнали, что немецкие рыцари тяжелой поступью идут к их городу.

А был ли в столице княжества человек, который смог бы противостоять захватчикам, скоро и решительно поднять войско? Вчерашние крикуны, прогнавшие Александра Невского, прикусили языки, поняли, кажется, что гордым быть — глупым слыть. Далеко их завела гордость. Ничего в ней хорошего нет, разве черту радость. Точно так. В крепких латах, в шлемах, рогах, как у чертей, ливонцы уже были видны с кремлевских стен.

В Переяславль-Залесский! К Александру Ярославичу! Умолить вернуться!

Порой злые, честолюбивые, по-детски капризные, упорные в отстаивании своих прав. Но как и детей, любил новгородцев Александр Невский. Зла не копил и долго не помнил. Да Господи, какие счеты, когда вражеское войско вон оно, рукой подать.

— Честный и благоверный наш княже, голову за тебя положим!

Выстроена дружина по четыре коня в ряд. Подняты стяги с изображением Христа. Трубы позвали в новый поход!

Ледовое побоище

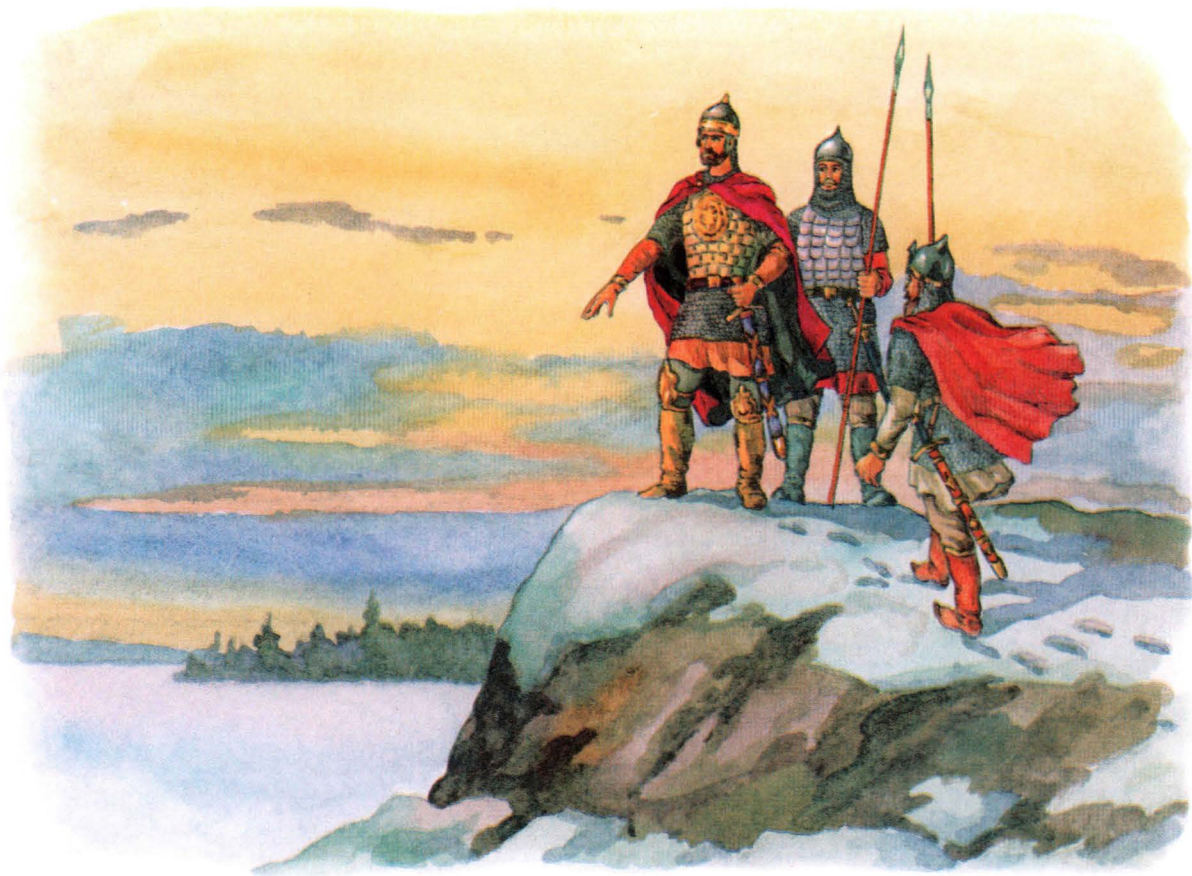
О, Александр Ярославич знал, что Ливонский орден, не в пример хвастливым шведам, куда опаснее и мощнее. Новгородских бойцов намного меньше. Отца, великого князя Ярослава, надо просить о помощи. Не откажет батюшка, быть того не может. И верно: скоро из Суздаля прибыл полк во главе с младшим братом Андреем Ярославичем. Нечастый случай братского единения в ту годину!

Андрей на год младше. Так же плечист, росл, синеглаз, как и Александр. Рвется в бой, безоглядно смел, порывист. Как не восхититься такой молодецкой удалью? Но что пристало рядовому ратнику, то не красит князя-воителя. Его не лихость должна отличать, но обдуманность каждого шага. За ним люди, их жизни, их семьи.

Новгородское, усиленное суздальцами, войско пошло к Пскову, который управлялся немецкими наместниками. Чувствовали они себя, как дома. Некоторые бояре-предатели им охотно прислуживали.

На первых порах завоевания легко давались. Верилось: так будет и впредь. Новгородское княжество уже было разделено договором между посланником Рима, епископом Генрихом, и магистром Ливонского ордена. Ливонцам — Псков и Новгород. Латышам, литовцам, эстам — прилегающие к ним территории. Рим получает «десятину» — десятую часть всех доходов от ремесел, торговли, занятий сельским трудом. Конечно, русские не сразу поменяют свою веру на католическую, но капля камень точит; наверное, эти слова на латыни звучат по-другому.

Если посмотреть на карту, Руси уже не существовало. Роковой час, когда судьба отечества, народа, веры висела на волоске.

Совсем недавно немцы нисколько не сомневались, что без особых усилий возьмут Новгород. Как часто и в более поздние века западных завоевателей подводила такая спесивая самонадеянность.

То, что Александр вернулся на прежнее место, лишь ускорило подготовку к наступлению.

Князь со своими сподвижниками на военном совете обдумывал, где ловчее дать ливонцам бой. Устроить ловушку, как в сече на Неве. Обвести вокруг пальца, заставить покрутиться — на это русские весьма способны.

Брат Андрей, буйная головушка, предлагал грудью идти на врага и не прибегать ни к каким хитростям. Так по-разному смотрели братья на предстоящую битву. И сегодня можно сказать: счастье, что полками распоряжался Александр. Не отчаянная лихость, но трезвый расчет, мудрость решают исход сражения.

Вот первый искусный маневр. Вперед выслана легкая кавалерия. Немцы набросились на нее всей своей мощью. Недолгий бой принес им победу. Отступившие конники поскакали в сторону Чудского озера. Какое торжество царило в стане Ливонского ордена! Невский разбит, бежит. Эта ошибка дорого стоила крестоносцам: передовой отряд новгородцев они всерьез приняли за все войско. И удивились, когда вдали, у озерной глади, показались целехонькие разъезды русских.

Александр Ярославич рассчитал все верно. Вот то место, которое он сам выбрал для битвы. Чудское озеро. Протока Узень, соединяющая два озера: Чудское и Псковское. И толщина льда всюду прощупана.

С высоты огромного валуна, названного Вороньим камнем, хорошо обозревалась местность. Лесистый южный и восточный берег. Насколько хватал

глаз, зеркально сиял лед. У берега он промерз до дна; чуть подальше апрель уже сделал свое дело — утончил ледовую подушку.

Войско разделено на три части. Левый и правый фланги — в засаде, центр открыт врагу.

Крестоносцы двинулись вперед пугающей клинообразной колонной, строем, который назывался «свиньей». Войсковой клин, подобно древним фалангам Македонского, ошетинился копьями. Попробуй подступись!

Александр Ярославич торжествовал. План его удался. Именно сюда, в Узень, он и хотел заманить немцев. Пылкий, нетерпеливый Андрей требовал немедленно пойти на «свинью», ввязаться в бой.

Нет! Надо ждать! Александр Ярославич в доспехах имел вид неприступный. Латы плотно прилегали к теплой одежде. Шлем был остроконечен, с неподвижным забралом, с выдвинутым носом. Кольчужные наушники прикрывали затылок и щеки. Мелкой вязью на шпашке были выгравированы слова: «Господи, помоги рабу твоему Александру».

Наступила самая тревожная минута: «свинья» врезалась в центр русских позиций, зазвенели мечи, топоры, скрестились копыта.

Немцы одолели русских копейщиков и меченосцев. «Свинья» все ближе подходила к лесистому береговому откосу. Слышались возгласы, незнакомые, явно победные.

— Вот теперь пора! Андрей, иди на левый фланг.

Верному сподвижнику Збыславу князь поручил возглавить полк, находящийся справа от Вороньего камня.

Сам Александр Ярославич обошел «свинью» с тыла. Оба фланга одновременно, по сигналу трубы, ударили по рыцарям с боков.

Впереди непроходимый лес. В тылу с несколькими сотнями ратников Александр. По обе стороны — конники и легкая пехота. «Свинья» оказалась в западне. Стоны раненых, треск ломающихся копий, звон тяжелых обоюдоострых мечей. Лед окрасился кровью. Строй крестоносцев распался на мелкие группы.

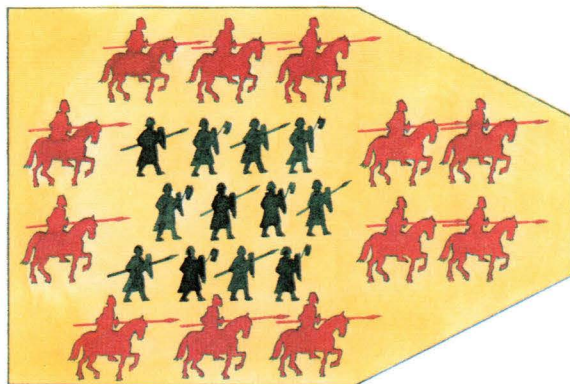
Наконец, Невский разомкнул кольцо окружения, немцы бросились в ледяные просторы Чудского озера, в середку, где лед был слаб. Ледяная скорлупа ломалась под тяжестью тяжеловооруженных рыцарей. Шлемы их недолго держались на поверхности воды. Из ледяной каши неслись крики о помощи. Но кто же просил немцев придти на новгородскую землю?

Чудское озеро, великий союзник Невского, поглотило большую часть ливонцев. На дне его многие из них и завершили свою победную поступь.

Магистр ордена полагал, что новгородский князь, обрадованный победой, пойдет на Ливонию, к стенам Риги.

Но Александр Невский не покушался на чужие земли. Он вложил меч в ножны. Его ждал освобожденный Псков и Новгород.

Вскоре состоялась встреча с немецкими послами.

Боевое построение немецких рыцарей — «клин», «свинья»

Послы просили князя вернуть пленных, взятых у Вороньего камня.

«Орден обещает не вступать в пределы Новгородского княжества, не покушаться на церковь. От всего, что имели и взяли мечом, от всего отступаем».

Так на сей раз плачевно завершил свой поход на Русь орден дотоле непобедимых крестоносцев.

ПОД ЯРМОМ ТАТАРО-МОНГОЛОВ

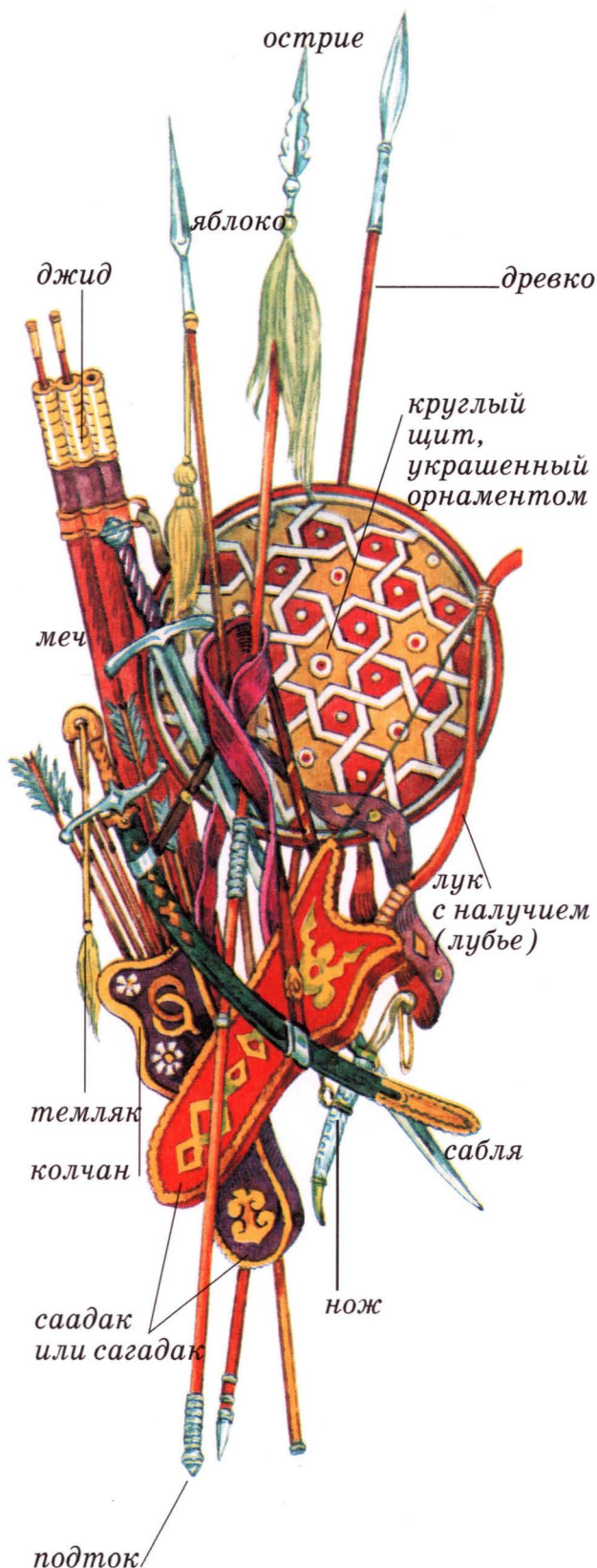
Батый

Опустошив Русь, завоевав все земли от Дона до Днепра, Батый двинулся на запад: польские войска понесли жестокое поражение, разгромлена Моравия, венгерский король наголову разбит. Азиаты победоносно прошли Хорватию, Далмацию, Болгарию.

Давненько Европа не знала подобного потрясения. Орда все живое сметала на своем пути. Страны замерли в ужасе, хотя некоторые монархи судорожно готовили свои войска к отражению варваров. Впрочем, так никто и не дерзнул сопротивляться. Сейчас и не скажешь, где остановилось бы татарское нашествие, когда бы из далеких забайкальских степей не пришло сообщение, что умер великий хан Оготай. Батый поспешил домой выбирать нового вождя.

А спустя время Батый устроил постоянную ставку в нижнем течении Волги, в так называемой Ахтубе. Будучи кочевником по натуре, Батый постоянно менял свою столицу. Огромные стада перегонялись на другое место, тысячи повозок со скарбом, оружием, женами, детьми перемещались, куда хан ткнет пальцем. Властелин, кто ему слово поперек скажет?

Но, наконец, ставка укоренилась у местечка под названием Царев, и Батый назвал свой городок Сараем, что значит — Золотой дворец. Так и вся батыева орда отныне именовалась Золотой. В ее состав Батый включил все русские города и села. Новый властелин — новая география. Никто из покоренных князей не посмел перечить главе азиатских варваров. Распыленная, на последнем издыхании, страна лежала у ног Батыя с его неисчислимой ратью, готовой затопить в крови все что

угодно. Какими жалкими и мелкими казались западные рыцари Ливонского ордена рядом с татаро-монголами!

Довольный своими успехами Батый велел русским князьям являться в Сарай. И вот в сопровождении бояр, многочисленных слуг князя с обозами, полными подарков, потянулись к низовьям Волги, на поклон к жесточайшему повелителю, за ярлыками — грамотами на право княжения. Вот как об этом скажет летописец: «Склонили князя головы под ярмо варваров». Тяжко об этом писать, но как не смотреть правде в глаза: что было, то было.

Одним из первых в ханскую ставку прибыл отец Александра — Ярослав Всеволодович. Батый принял его милостиво. Он много слышал о Великом князе и его сыне Александре.

— О нем все государи Европы говорят, — заметил Батый, показав тем самым, что не со слов чужих знает о европейских государствах. — Теперь поедешь в Монголию. Хан Великий желает тебя видеть.

Так с тех пор и пошло: сначала князя принимал Батый, затем его отправляли в далекие-предалекие степи, к реке Селенге.

Тяжелая, невыносимая поездка ждала Ярослава Всеволодовича. Говорят, ханша, супруга Великого татаро-монгольского вождя, напоила его ядом. Обратно Ярослава Всеволодовича везли в гробу.

Если бы только русские князья ездили к Батыю! Немало европейских монархов посылали в Сарай целые посольства — признать и умиловить азиатского властелина. Даже папа Иннокентий IV снизошел до того, что отправил целую группу своих монахов с дружественным письмом к Батыю.

Нетрудно себе представить, как загордился хан! Глава всех католиков воз-

давал должное ему, язычнику, сильному, как степной волк, закаленному, как верблюд пустыни, хищному, как горный барс!

В 1246 году Батый диктовал письмо новгородскому князю Александру. Да, татары обошли его княжество. Но всему свое время и сроки, так, кажется, говорит русский Господь.

«Приезжай, Александр, ко мне в Сарай. Покажись, какой ты. Твой отец был у меня. Почему же сыну не показаться?»

Послание спокойное, не повелительное. В нем нет ничего, что бы оскорбляло княжеское достоинство.

Смирение во имя народа

Его зовет жесточайший на земле варвар! Завоеватель, не знающий пощады людям! Отец... Он поехал в орду. И нашел там свой конец. Да разве он, Алек-

сандр Невский, смерти боится? Униженья, позора, бесславия. Склонить голову, перед кем? Ему, князю Господина Великого Новгорода, победителю крестоносцев, чье имя гремит в Европе, знакомо каждому ребенку на Руси!

И все это зачеркнуть? Нет! Не с поклоном, но с оружием идти в Сарай — полагали и верные друзья Збыслав, Савва, Миша и Яша. На такое поведение настраивали Александра и многие бояре.

Что посоветует епископ Кирилл, который скоро станет митрополитом? Благословит ли на новый подвиг?

Святой отец внимательно слушает князя. Господи, как же ему внятны муки и помыслы героя Невской битвы и Чудского ледового побоища. Но как убедить Александра Ярославича, что ныне время иных подвигов — не на поле боя, а подвигов духовных.

— Сын мой, подумай, какие силы надо тебе иметь, чтобы пойти с мечом на невиданную рать татарскую. Разве есть на Руси такая мощь, что способна одолеть татарское страшное лихо?

Трудный разговор. И епископу он дается не легко. Не на смирении взращены князья. Героизм понимается как удаль в сече, подвиг — как славное боевое деяние. Звук трубы, сигнал победы — какое упоенье в этих словах, что за сладость купаться в лучах доблести!

— Сын мой, идя в Сарай, на Батыя, с мечом, погибнешь. И ты, и твоя дружина. Но подумал ли о княжестве, людях его? И спесивы они, и дерзки, и Бога порой не чтят — знаю. Воистину так. Но подумай о женах, детях, стариках. Что станет с ними? Сколько прольется невинной крови!

Александр Невский стоит перед святым отцом, склонив голову. Ранняя седина в острой бородке. Волосы в кружок пострижены. Кафтан ниже колен. Золотой пояс с четырьмя концами,

атласный ворот. На груди крестик. Сверх кафтана мантия с узорными обшивками. Князем нельзя не залюбоваться. Истинный витязь, напоминающий юношу, поражающего копьем дракона с иконы «Св. Георгий Победоносец».

Но прочь сейчас воинственное копье! Готовься, славный витязь Александр, к иному подвигу!

— Владыко, как же ответить хану?

— А поезжай, не погнушайся. Смирись!

— Унизиться?

— Нет, смириться. Воспой в себе кротость во имя Господа, во имя людских жизней, что стоят за тобой!

— Святой отец, и ты считаешь это... подвигом?

— Подвигом, мой сын. И чудом. Смиренье — Богу угожденье, уму просвещение, душе спасенье. Новой своей жизнью угоди Господу! Просвети ум! Спаси душу! Утешь народ свой, святую Софию, Новгород. Ты ждал моего благословения, сын мой. На сей подвиг тебя благословляю.

Был год 1249-й. Отмечен он первой поездкой князя Александра в Сарай.

Избави меня от врагов моих, Боже!

Пустынны степи, где еще недавно проживали и кочевали половцы. Этих кочевников татары знать не желают. Одни проданы в рабство восточным халифам и султанам, другие бежали, третьи покоятся в насыпных курганах.

Пусты, безжизненны русские селения. Горький путь, страшный, точно в загробное царство. Какая мука видеть все это, не вырвать меч и не обратить его на татар, которые сопровождают Александра Ярославича.

Ближе к Волге — татарские станы. Кибитки, сотни телег, табуны лошадей, отары овец, верблюды.

Верховые всадники с гортанными голосами, удивленными и насмешливыми: «Улус, улус»!

В орде Александра Невского знают. Его имя вошло в татарские сказания — в образе богатыря. Татарские матери даже пугают им детей. Вот так иногда преображается слава.

На стоянках баскаки кормили княжеское посольство — назовем его так — просяным варевом, вареным мясом, поили кумысом.

Невский никак не показывал своих чувств к завоевателям. Хотя внешний

вид их отталкивал: не умывались, не чистили котлы, в которых варили пищу. Грязные маслянистые волосы забрасывали косой за спину, шубы носили мехом вверх, что придавало их облику нечто звериное.

Жрецы (тут они звались камами) несколько раз на дню становились на колени, обращая лица к югу, где, по языческим поверьям, обитали души умерших, Чингисхана и его предков.

Камы подготовляли Александра к встрече с Батыем. Говорили через переводчиков об обычаях в Золотой орде. Татарин — язычник, он никогда не бросит в огонь ножик — грех! Язычник не посмеет умертвить птенца, пролить молоко, выплюнуть изо рта пищу. Грех, грех, грех! Убить же чужака, того же русича — улуса — ничем не карается: убийство — обычное действие. Особенно, если чужак не подчиняется законам, которые приняты в ханстве.

И поведали историю. Она должна стать поучительной для новгородского князя.

Прибыл однажды в ставку к Батыю черниговец Михаил Всеволодович.

— Для изъявления преданности! — особо и не без горделивой улыбки сказали жрецы.

Составные элементы монгольского жилища — гера, юрты

верхнее матерчатое покрывало

хошлон
буслур

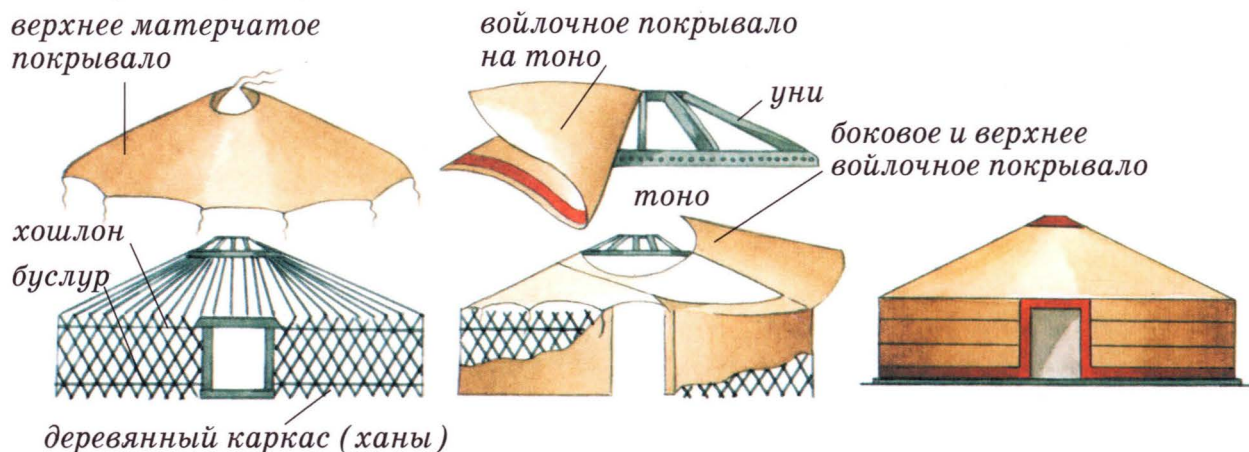
деревянный каркас (ханы)

войлочное покрывало на тоно

уни

тоно

боковое и верхнее войлочное покрывало

*каменное изваяние
в монгольских степях*

Михаилу велели поклониться кумирам, огню, духу Чингисхана. Черниговский князь не повиновался.

«Иначе умрешь, поклонись!»

Светлый князь Черниговский истово молился.

«Ты не исполняешь нашего обычая!»

«Мне не можно это сделать»

Мурзы сказали обо всем хану.

«Пусть тогда умрет!» — так воскликнул Батый.

— Князь, ты не захочешь умереть? — вопрошали мурзы.

Александр Ярославич, похоже, знал, что ждет его у иноверного азиатского владыки. Всю дорогу он промолчал. Два века с половиной назад Русь приняла христианство, греческую веру. И с тех пор ни князья, ни бояре, ни простые люди, крещенные по православному обряду, ни разу не склоняли головы перед кумирами язычества.

Предать свою веру было выше человеческих сил. Можно согласиться на выплату дани, любой подати. Но разве можно изменить молитвам отцов и дедов?

Савва и Збыслав, состоящие в свите князя, дали ему понять, что перед языческим костром не падут на колени. Да разве он сомневался в этом?

Великолепно изукрашенный шатер хана, огражденный узорчатой серебряной решеткой, высился на пригорке, прямо за ним виднелись серые струи Волги.

Два ряда огней вели к жилищу Батыя. По уверениям мурз, только выдержавшие это очищение огнем могли войти в шатер.

Князя поместили в довольно просторной юрте, устланной коврами.

Когда ханские слуги вошли в помещение с подносами, уставленными яствами, они увидели князя, опустившегося на колени перед медной складной иконой — складнем. Князь читал псалом:

«Избави меня от врагов моих, Боже мой. Защити меня от восставших на меня. Избавь меня от делающих беззаконие. Спаси от кровожадных».

**«Нет на Руси князя,
равного тебе!»**

Наконец явились самые высокие советники Батыя.

— Князь Александр, ты сейчас будешь иметь счастье лицезреть нашего владыку. Теперь ты пойдешь поклониться Согоном-бару, нашему богу солнца, которому и преклонишь главу перед огнями.

Ну, вот и пришел его смертный час.

— Передайте своему хану: я христианин, мне не подобает кланяться твари. Я поклоняюсь лишь истинному Господу Богу нашему Иисусу Христу.

— Ты знаешь, что ждет тебя, князь?

— Я готов принять смерть.

Мурзы поспешили в ханский шатер.

Воистину судьба хранила Александра Невского. Батый изменил своему обычному решению.

— Пусть идет, как ему удобнее! — Слова властелина изумили всех присутствующих, даже любимую жену, которая находилась рядом с Батыем, восседавшим на кресле под балдахинном.

Александр Ярославич вступил в шатер. Сотни свечей, обращенные к нему лица вельмож, сидящих на скамьях по кругу.

— Тебе позволено сидеть.

Переводчики сообщили Невскому слова хана:

— Видишь, князь, я дозволил тебе, чего не разрешал другим. В знак твоих великих воинских заслуг. Ты знатно поколотил шведов и немцев. Я бы не хотел с тобой воевать.

Батый интересовался, как доехал князь, что больше всего поразило его в дороге.

Развалины городов. Серые пепелища. Мрачные кладбища.

Батый усмехнулся:

— Ты же, князь, не хочешь видеть таким свой Новгород? Теперь слушай: в отличие от немцев я не буду гнать русичей под другую веру. Ваше духовенство я не трону. Пусть православные почитают Христа, сарацины — Магомеда, иудеи — Моисея.

Слышать такое из уст азиатского варвара странно и удивительно.

— Я пришел к тебе, — отвечал Александр, — потому что твой Бог почтил тебя царством. Сказанное тобою о нашей церкви слышать радостно, потому что я служу единому Богу, но твоим идолам не буду поклоняться.

— Я вижу: нет на Руси князя, равного тебе, Александр. Хорошо, что ты приехал в Сарай. Поэтому я не трону твоего княжества. Но путь твой не окончен. Ты отправишься на родину моих предков и предстанешь перед Великим ханом. И там получишь ярлык на свое правление.

Вот оно, наше солнышко красное!

Александр прибыл к окраине азиатской пустыни Гоби, когда курултай выбирал нового татаро-монгольского владыку Менгу. В огромном каменном дворце жрец возгласил: «Менгу, мы ждем тебя и просим, чтобы ты повелевал нами».

Менгу спросил:

— Желая иметь меня повелителем, готовы ли вы беспрекословно повиноваться мне, идти, куда велю, предать смерти, на кого укажу, разрушить город по моему желанию?

И тогда, услышав одобрение, Менгу прокричал:

— Слово мое да будет мечом!

Как и Батый, Великий хан милости-во встретил Невского:

— Жалуем тебя ярлыком на княжение в Киеве, оставляя тебе Новгород. Брат твой Андрей получает княжество во Владимире. И еще, Александр, передай своему духовенству: как нам дано много пальцев, так и людям указано много путей в рай. Идите своим путем, мы вашу веру не тронем...

Счастливейший день, когда Александр Ярославич добрался до Новгорода. Со слезами встречали его люди:

— Вернулся князь, наше красное солнышко!

Не с ратного поля ехал, а люди плачут от радости.

«Давно новгородцы так не ликовали, как при возвращении князя Александра от иноверцев-нехристей», — радовался летописец.

Поняли люди, что стоила эта поездка князю, какие душевные силы приложил, чтобы спасти Господин Великий Новгород от нашествия и от окончательной гибели всей Руси.

Имея ярлык на «Киев и всю русскую землю» без Владимира и Суздаля, Александр Ярославич собрался отбыть в сто-

Андрей Ярославич — брат Александра Невского, владел Владимиро-Суздальским княжеством, однако, недолго. Пылкий, гордый, восторженный, он почитал бесчестием для себя править русской землей с согласия татар. Такая горячность привела к тому, что его дружина была разбита под Переяславлем-Залесским. Случилось это 24 июля 1252 г. У татар появился повод отомстить непокорным русским: ограбить, разорить их дома.

Андрей Ярославич бежал и хотел было переждать трудные времена в Новгороде, но жители отвергли его. Он бежал дальше — в Псков. И еще дальше — в Швецию... Но так и не сумел стать счастливым: русские плохо приживаются на чужой земле. Спустя годы вернулся на родину и умер в родном Суздале.

рону Днепра. Но что поднялось на берегах Волхова! Мольбы, рыдания, просьбы.

— Княже, не покидай нас! Без тебя мы сироты беззащитные!

За многие годы так они сроднились! Общие победы, тревоги, радости сблизили князя и его подданных. Александр Невский внял народному гласу. Остался.

Но долго пробыть тут не удалось. Нужда позвала ехать к хану. Виною всему оказался младший брат, забубенная головушка Андрей.

Никак не желал поладить с татарами, взбунтовался. Можно понять Андрея. Но как губительно отозвался его мятеж на людях, на судьбе Владимиро-Суздальского княжества.

Встреча у Золотых ворот

Ладно, недруги. Можно простить и неумным радателям старины. Но что гораздо мучительнее, когда родной брат становится врагом. Обида Андрея на Александра давняя. Был год, когда отец желал посадить на новгородское княжение Андрея, восстали новгородцы:

— Не хотим Андрея! Желаем Александра!

Потом было Ледовое побоище. Старший брат не раз осаживал младшего, готового повести войско на верную гибель. Злая обида на Александра еще сильнее укрепилась в душе Андрея. Теперь недобрые чувства вырвались наружу: Александр угождает во всем по-

работителям, в малом и большом им повинуются.

— Лучше совсем отказаться от престола, чем служить азиатам, — гордо заявил Андрей.

Красивые слова, разве что-нибудь против скажешь? Разве поднимется рука укорить Андрея? Но была ли у него сила, чтобы согнать татар с русской земли? Смерть красна на миру, когда умираешь ты один. Но если твоя смерть повлечет гибель тысяч и тысяч твоих подданных? Всего живого, что есть на земле?

Забубенная головушка, Андрей менее всего думал об этом. Одна самонадеянность владела им.

К тому времени Батый, по старости, не мог уже ходить, мало занимался делами, передоверив власть сыну Сартаку, еще более жестокому, чем отец.

Князь владимиро-суздальский Андрей Ярославич не платит дани, презира-

ет ханских баскаков и мурз? Пусть его поучит военачальник Неврюй.

И вновь бесчисленная орда пошла на города Владимир и Суздаль. Еще от первого нашествия земля не пришла в себя, люди не оправились от причиненных страданий.

Князь Андрей с дружиной покинул Владимир и поджидал татар у Переяславля-Залесского. Одному Богу известно, на что он надеялся, какая мысль владела им. Одно можно сказать: горе людское нимало не задевало его.

Неврюй догнал дружину Андрея. Битва состоялась. Да можно ли это пустяшное столкновение назвать битвой? Ни в коем случае. Конечно, владимирская дружина дралась отчаянно. Но силы были неравны: как противостоять стотысячной орде? Часу не прошло, все поле было усеяно трупами отважных русских бойцов. В живых никого не осталось, кроме Андрея. Все, что он говорил и делал, все было напоказ. Пришел час принять на миру смерть, а где князь Андрей? Нет Андрея. Бежал с поля боя, «едва унося ноги, спасая свою жизнь», как напишет летописец. Каким дыханием позора и бесчестия веет от этой кратенькой строки!

Князь Андрей Ярославич поначалу хотел найти убежище в Новгороде, однако побоялся, что тут его настигнут татары. Далее — Псков. И тут не устоял. Швеция! Пусть недавно ее королевские рыцари хотели покорить Северную Русь. Пусть! Зато здесь его примут с лаской. И приняли.

А вызванные Андреем полчища Неврюя уже всюду разошлись на русских просторах. Насиловали женщин. Казнили юных мужей, убивали детей, стариков. Пожары полыхали на владимирской и суздальской земле.

Родина Андрея и Александра, Переяславль-Залесский обратился в руины.

Неврюй поглядывал на Новгород.

Вот когда Александр Невский второй раз поехал в Волжскую Орду.

Хан Сартак, широкоскулый, с приплюснутым носом, в драгоценных парчовых одеждах, хмуро принял Александра:

— Я тебя не звал. Что привело тебя ко мне?

Чудовище! Будто хан не ведал, что творил злодей Неврюй.

Подарки, врученные Александром, несколько смягчили его.

Сколько душевных сил понадобилось, чтобы добиться милости от Сартака.

— Я пошлю гонцов. Они остановят моего мурзу. Твой Новгород останется цел.

И еще раз Александр убедился, как прав владыка Кирилл. Обет смирения, тихой кротости был спасительным для Руси.

Брошенное Андреем Владимиро-Суздальское княжество отдано Александру. Великим князем возвращался он в отчие края. С каким сокрушенным сердцем наблюдал он места, мимо которых шел путь. Скрываясь от татарских погромов, люди жили в лесах. Да и куда им возвращаться — на пепелища? Там, где еще недавно царила жизнь, дань свою собирала смерть. Отчаянье владело Александром, скорбь и щемящее чувство жалости, когда думал об ужасной участи младшего брата. Честь, которую так высоко ставил Андрей, обернулась его бесчестием. Как жить в ладах со своей совестью? Не предать ее? Не впасть в бесславие? Конечно же, Александра Ярославича терзали все эти вопросы.

Но вот поди ж ты! То, что иным могло показаться бесславием, обернулось его славой. У Золотых ворот Владимира князя Александра Ярославича встречали восторженные толпы людей. Перед

Великим князем падали ниц, матери тянули к нему детей, чтобы он осенил их рукою заступника земли русской.

Да, отныне он войдет в сознание подданных, как заступник от татаро-монголов.

Кирилл, теперь уже митрополит, игумены, священники с крестами проводили Александра Ярославича в Кремль, в соборный храм Богородицы, где в честь его служили торжественную литургию, и посадили на великокняжеское царевое кресло.

Народ возвращался в родные свои места: земледельцы — к сохе, священники — к алтарям, ремесленники — к замечательному своему труду. Строились новые храмы. Старые украшались. В княжестве установилось спокойствие.

Мужественный воин, полководец, Александр Невский весь отдался заботам о строительстве городов и селений,

жилищ, церквей, монастырей. И этому посвятил весь свой человеческий дар, страсть, с какой бился на Неве и Чудском озере.

«А от вас учения не принимаем»

Он мог поступиться гордостью, унизиться ради высшего блага перед владыкой варваров, но поступиться верой православной — это было выше его сил.

И если это поняли Батый и Сартак, то папа римский не терял надежды вовлечь русичей в латинскую веру.

Александр вошел в зрелый возраст, когда папа Иннокентий IV прислал к нему двух хитрейших кардиналов по имени Галд и Гемонд. В круглых шляпах с широкими полями, в длиннополых сутанах с ниспадающими рукавами, они источали саму лесть и преданность.

— Великий князь, — поклонился Галд, — святейший отец много

слышал о тебе. Громкая твоя слава облетела мир. Выслушай нас, посланцев рабов Господа.

И кардиналы вручили Александру Ярославичу папское послание: «Просим твое величество, увещеваем и прилежно убеждаем, чтобы ты признал свою матерью римскую церковь и оказал послушание ее первосвященнику. Постарайся привлечь к апостольскому престолу и твоих подданных, чтобы в вечном блаженстве наследовать тебе плод, который не гибнет в век. Если воспользуешься нашим или лучше Божьим благоволением, мы будем считать тебя наилучшим между католическими государями...»

И они хотят подкупить его этой жалкой лестью! Неужели папа забыл свои гневные буллы, полные презрения к русичам? За гнусное предательство своей веры, веры отцов и дедов — обещание славы?

Тяжко, унижительно было ярмо татаро-монгол, но тем было все равно, какой религии придерживаются русские, они терпимы к православию. Как же ядовиты строки послания!

Не скрывая ярости, Александр отшвырнул бумагу. Православные пастыри, знатные бояре, воеводы, Збыслав, Савва, Яша и Миша испугались, как бы в гнев Александр не сотворил ничего дурного. Но ему хватило выдержки не оскорбить стариков-кардиналов.

Ответ Александра Невского был краток: «От потопа и разделения языков, от начала первых на земле царств до Рождества Христова, до страсти и до воскресения его, и от воскресения и до вознесения на небеса, от первого собора много было учений. При князе киевском Владимире Красное Солнышко русские приняли свой обряд и другого учения не примут никогда. И я вере своей не изменю. Так и передайте

Иннокентию Четвертому. Пятый будет — ему скажите. И шестому, коли такой взойдет на папский престол».

Не солоно хлебавши папские кардиналы Галд и Гемонд покинули Русь.

Гнев Александра Ярославича

Шли годы. Александр Ярославич рано поседел. Он возмужал и ожесточился. Характер его стал непреклонен и крут: русичи не уважали слабых правителей.

Просто ли жить, пряча ненависть к поработителям и в то же время покоряться им? А ведь как хотелось сбросить этот гнет! Но вспоминал, что произошло после мятежа младшего брата, и брал себя в руки. Смирялся. И разум побеждал чувство и волю.

Живя теперь постоянно в стольном граде Владимире, Невский князем в Новгороде поставил сына Васеньку, первенца, любимца, наследника.

Случилось, что новгородцы, по обыкновению своему, «указали путь» Василию. Все, как дети малые и несмышленные, права свои возвеличивали.

Василий бежал в Торжок. Невский на сей раз сильно вознегодовал на новгородцев. Решил как следует проучить. И повел на город дружину, требуя выдачи смутьяна, посадника Анания, что против Василия учинил бунт.

Новгородское вече разделилось: одни — за Анания «любой ценой», другие — за Василия. Сторонники Анания всех перекричали, отправили послов в Торжок:

«Князь Александр, мы любим тебя, но оставь за нами нашу вольность».

«Прогоните Анания, иначе всем будет худо. Бунтовщиков ждет Волхов».

Вот таким стал Невский. Нешуточный оборот приняло дело. Помахав кулаками да вволю накричавшись, новгородцы изгнали посадника, приняли в объятья Василия. Старшего сына Нев-

ский пуще всех любил: доверял ему, надеялся, что он возвысит род и ничем не огорчит Русь.

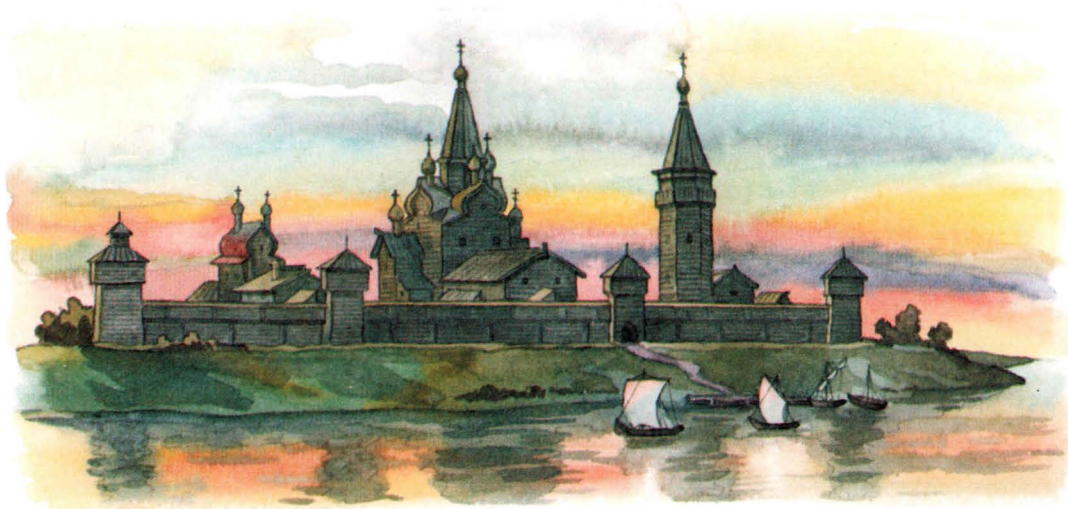
А вышло хуже некуда. Как когда-то брат Андрей, так теперь первенец восстал против Александра Ярославича.

В Золотой Орде умер Батый. Скоро и Сартак был умерщвлен дядей Берке, объявившим себя ханом.

Новый повелитель — новые порядки. Переписать всех до единого жителей Руси! Надобно точь-в-точь знать, сколько брать с улусов податей.

И вот в земли рязанские, муромские, московские, суздальские, владимирские явились татарские, так называемые численники, десятники, сотники, темники. Шастают по городам, селениям, хоромам, избам — всякую живую душу берут на учет. Горько все это, унижительно. А на страже мурз и баскаков татарских стоит наготове трехсоттысячная рать. Вот-вот всесокрушающая конница сорвется, как стрела из тетивы.

В отличие от других русских городов Господин Великий Новгород не был завоеван азиатскими варварами. Остался он в сторонке от их нашествия.

Улагчи, второй человек в Золотой Орде, велит и в новгородском княжестве учинить поголовную перепись.

Встревожились новгородцы. Набат собирает народ на вечерую площадь. «Татары к нам идут! За оружие!»

Новый посадник именем Михалка взлетает на помост. Он-то не по рассказам знает, чем кончается такое неповиновение.

— Одумайтесь, люди! — взывает Михалка. — Лучше дань деньгами заплатить, чем своими головами.

Вон как! Экой трусливый усмиритель выискался! На копья его, мужики!

На чьей же стороне сын Невского, князь Василий Александрович? Он-то знает своего отца! Слышал его призывы пустить численников татарских в Новгород. И сам бы согласился. Но бояре, золотые пояса, подговорили: «Не слушай батюшку. Сам будь гордым, не ходи ни под кем».

И невдомек молодому князю: в противном случае придется каждодневно и ежечасно ходить под татарами. И дань платить, и слова поперек не сказать.

Так сын повернулся к отцу спиной. И боярская знать, а также многие из «житых людей» ликуют, неразумные, левоверные, обуянные спесью.

Александр Ярославич вместе с «численниками» едет в Новгород. Ему из-

вестно: татаро-монгольская орда готовится в поход на непослушных улусов.

Не пройдет и года, как монах-летописец, будто о Киеве, напишет: «Навсегда исчез древний Новгород».

Так быть не должно. Невский не допустит этого. Опасаясь гнева батюшки, князь Василий убегает в Псков. Тем же путем, что и его дядя Андрей.

Но убежать дальше Пскова Василию не удастся. Его настигают, берут под стражу, увозят в Суздаль. Отец навсегда лишит сына княжеского титула. Но вот кому не поздоровилось больше всего, так это «золотым поясам», что породили бунт сына против отца. Никому от кары княжьей уйти не удалось.

А из орды весть донеслась: могучая рать идет на север. Надо поспешить в Сарай! Остановить нашествие.

Была еще одна причина отправиться на поклон хану Берке.

Последние дни Александра Невского

Чувствуя себя всемогущим, хан Берке ввязался в борьбу с двоюродным братом персидским владыкой Хулагу. Не могли договориться, как поделить кавказские земли. Под Дербентом сошлись два войска. Берке потерпел поражение. Много людей потерял. Да и жал-

ко своих. Объявить во всех покоренных землях набор русских рекрутов!

Не передать негодования Александра Ярославича, когда он услышал о таком ханском решении. Недоставало еще русским юным мужам проливать кровь за ненавистных поработителей.

Вот зачем князь явился в ханскую столицу: отговорить, умолить Берке от нашествия на Новгород, от набора русских рекрутов. Он на все теперь готов. Есть же предел унижений. Ценой жизни, но должен отстоять любимый город, жизни тысяч и тысяч русских юношей.

Разное пишут летописцы о хане Золотой Орды Берке. Он добился поголовной переписи населения. Наводнил Русь своими чиновниками. Был жаден и обожал подарки. Но вот новенькое, чего нельзя сказать о его предшественниках: Берке любил искусства, оказывал покровительство ученым и художникам, позволял русским свободно совершать богослужение.

Поездка в орду оказалась успешной. Все-таки высоко ценили там Александра Невского — и рать не двинули на Новгородское княжество, и набор русских рекрутов отменили.

Князь исполнил свой долг. Уже какой раз заступился за Русь! Возвращался домой он по Волге. И вдруг в одном из городков с детским названием Городец почувствовал недомогание. Так хотелось сообщить соотечественникам благую весть, а не смог. Болезнь быстро развивалась.

Ближние бояре, друзья детства и юности окружили постель. Слез не скрывали, видя, как мучается Невский.

— Братья! — Говорить ему было трудно, силы истощились. — Я отхожу. Отечеству служил ревностно. Теперь, по пути к Богу, прошу постричь в монашество. Так завершу принятый на себя давно обет смирения.

Не плачьте! Удалитесь и не сокрушайте душу мою жалостью!

Тихие, последние слова Невского слышала вся Русь. И митрополит Кирилл первый произнес скорбные слова:

— Солнце родины закатилось. Не стало Александра.

Летописец пишет:

«Народ оцепенел от ужаса, ибо без Невского не мыслилось жизни, и все кричали: „Уже погибаем!“»

...В XVIII веке при Петре I прах Александра Невского был перенесен в Санкт-Петербург. Позже императрица Елизавета Петровна поместила мощи в серебряную гробницу. На одном из щитов усыпальницы Александроневской Лавры читаются слова Михаила Васильевича Ломоносова:

*Богу Всемогущему,
Его угоднику Благоверному
Великому князю Александру
Невскому,*

Россов усердному защитнику.

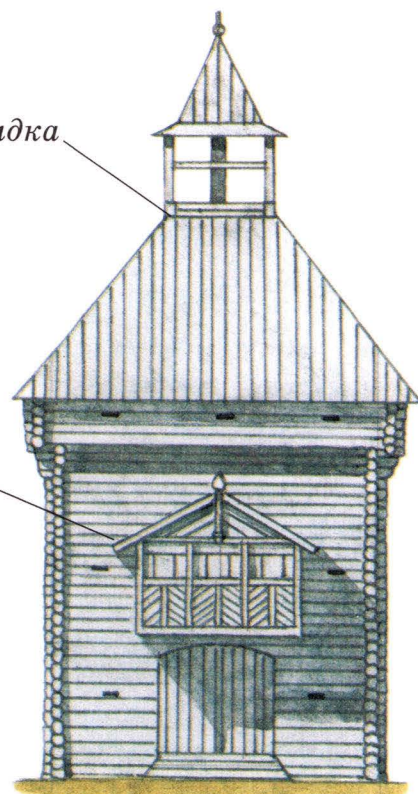
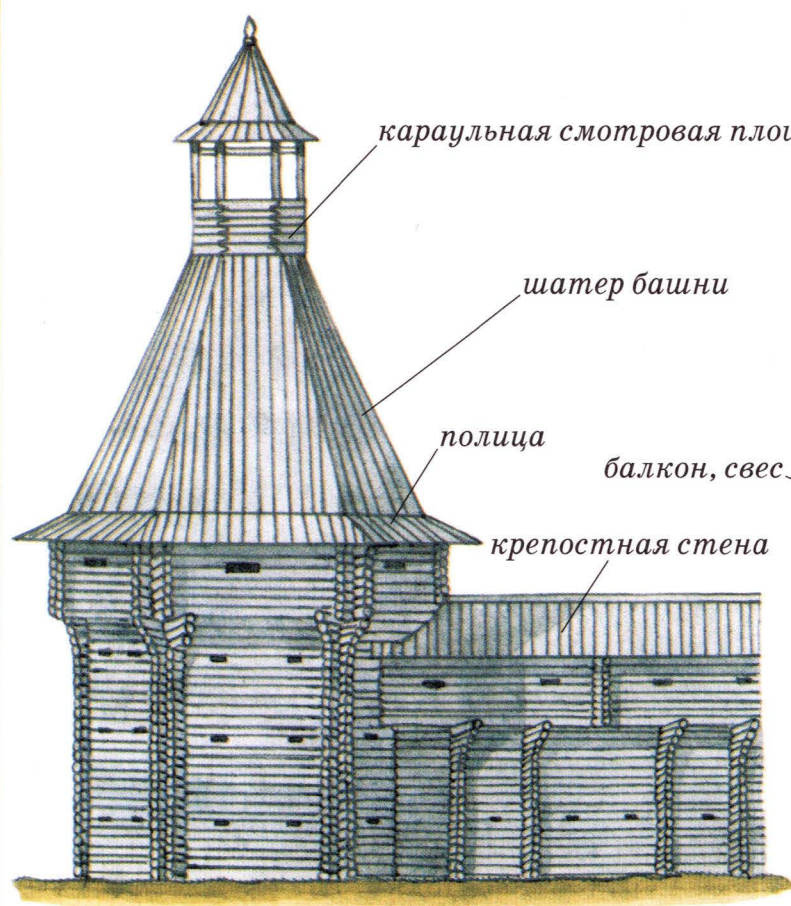
Александр Невский прожил сорок три года. В первую половину жизни он защищал россов на поле брани. Вторую половину защищал россов и спасал Русь мудрым смирением, величием благородной своей души.

Совершил два равновеликих подвига, за что и был причислен церковью к лику Святых.

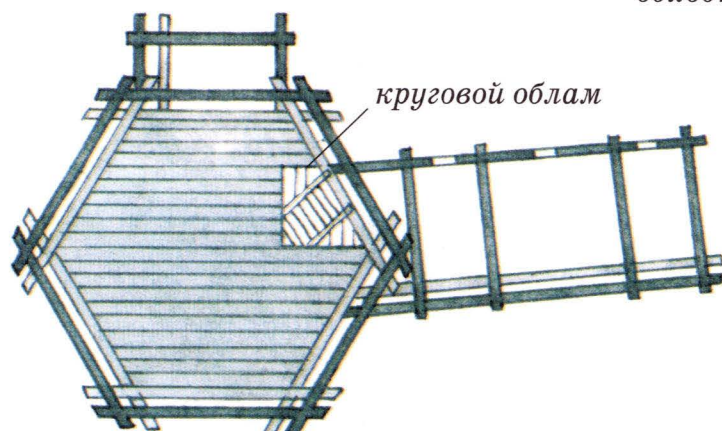
Даниловский монастырь. Перед смертью постригся в монахи, велел себя похоронить не в церкви, как было принято, а на общем кладбище, среди усопших самого простого звания.

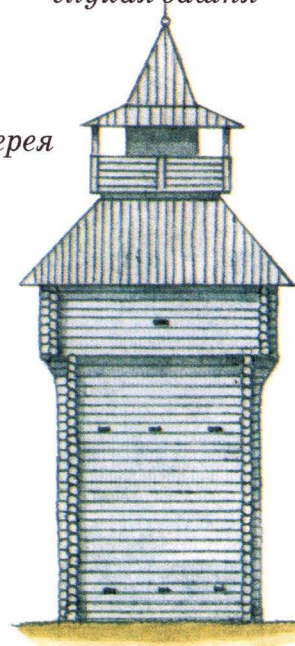
угловая шестиугольная башня

план

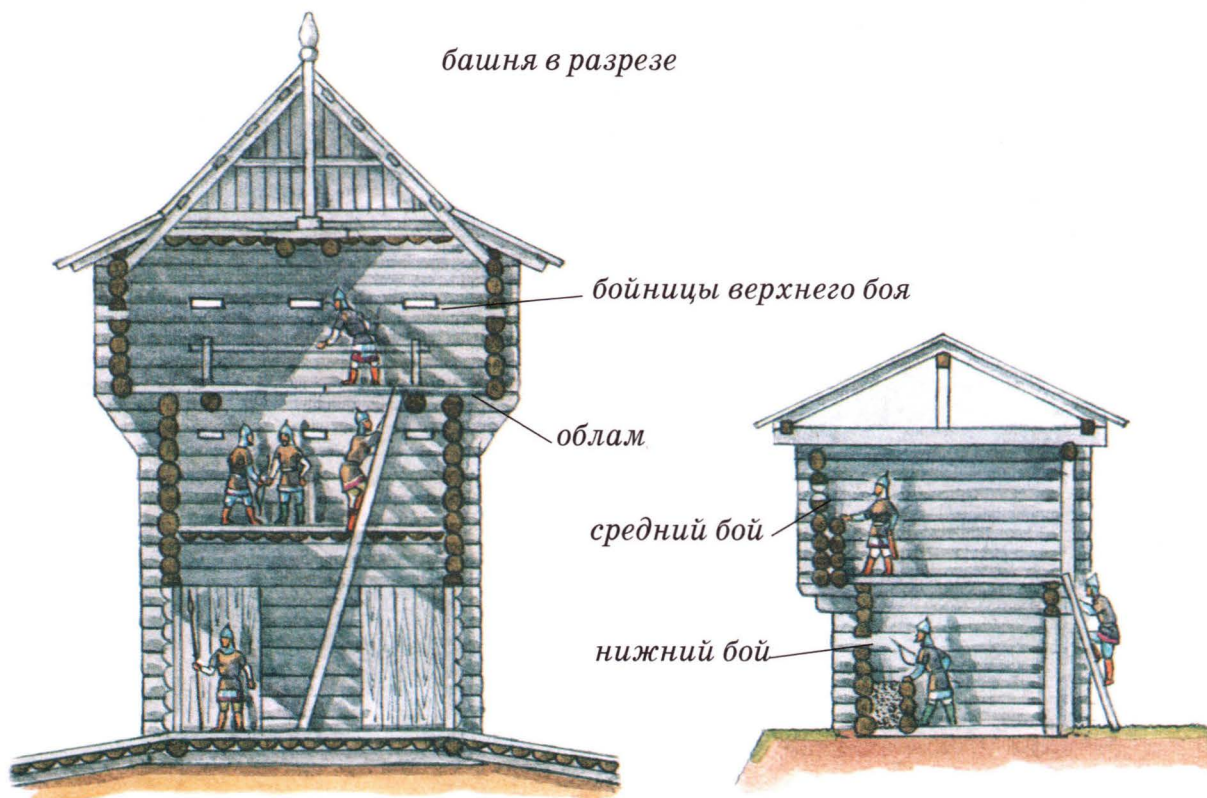
обходная галерея

воротная башня

башня в разрезе

ББК 63.3(2)
УДК 087.5: 94(47) 032
А 11

Содержание

Уроки жизни	2
«Побеждая, а непобедим»	16
Под ярмом татаро-монголов	32

Александр Невский *Для младшего и среднего школьного возраста*

**Повесть о князе Александре Невском,
который спасал Русь от врагов не только воинской доблестью,
но и мудрым смирением**

Издательство «Белый город»

Директор К. Чеченев
Председатель редакционного совета А. Астахов
Коммерческий директор Ю. Сергей
Руководитель проекта Н. Астахова
Редактор Л. Жукова
Корректурa: А. Новгородова, Н. Старостина
Компьютерная верстка Е. Аквилянова
Сканирование Л. Морозова

ISBN 5-7793-0197-2

Лицензия ИД № 04067 от 23 февраля 2001 года

Издательство «Белый город»,
111399, Москва, ул. Metallургов, 56/2,
тел. 176-91-09, 176-91-04, 176-94-63

По вопросам приобретения книг
по издательским ценам
обращайтесь по адресу:
111399, Москва, ул. Metallургов, 56/2

Оптовые поставки — фирма «Паламед»,
111399, Москва, ул. Metallургов, 56/2,
тел. 176-68-95, 176-91-09, 176-80-97, 176-91-04,
176-94-63, 288-75-36, факс 176-68-09
E-mail: palamed@aha.ru

Розничная продажа:
Торговый Дом Книги «Москва»,
Москва, ул. Тверская, 8

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Дата подписания в печать 04.07.2000
Гарнитура SchoolBook; печать офсет,
формат 84 × 108, 1/16
Тираж 4000 экз. Заказ № 0303430.

© «Белый город», 2001

Электронный вариант книги:

Скан: LenAlis

Обработка, формат: manjak1961

Мстислав Храбрый

Мстислав Удалой

Феодосия

Александр Невский

Ярослав II

Ростислав

Мстислав

Владимир Мономах

Юрий Долгорукий

Всеволод III

Юрий II

Владимир святой

Ярослав Мудрый

Всеволод I

Андрей Боголюбский

ИСТОРИЯ РОССИИ

Эти книги, рекомендованные Министерством общего и профессионального образования РФ для дополнительного образования, увлекательно написаны, красочно проиллюстрированы, содержат много полезной и интересной информации об истории России.

Готовятся к выпуску:

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ
ВОЙНЫ

ДУЭЛИ

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

АЛЕКСАНДР II

ОСНОВАНИЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ИВАН ГРОЗНЫЙ

ЕКАТЕРИНА II

ВЛАДИМИР КРАСНОЕ

СОЛНЫШКО

ISBN 5-7793-0197-2

9 785779 301978 >

ИСТОРИЯ РОССИИ

Александр Невский

«БЕЛЫЙ ГОРОД»

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Отец Александра
Невского Ярослав
Всеволодович

«Постигай,
князь Александр,
грамоту!»

Не промахнуться
бы, не опозориться
перед дворней!

Татаро-монгольские
полчища

И позвали трубы
в поход!

Колокол созывает
новгородское вече

Рыцари
Ливонского ордена

Перед последней
поездкой к Батыю

Хан Батый

Сторожевая
башня, XIII век

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ СЛОВАРИ

«Доспехи и вооружение русских воинов. XIII век»
«Древнерусские деревянные укрепления»

